

„Вслѣдствіе отношенія отъ 3 сего мая за № 386, Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣеть честь препроводить при семь въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи двѣ рукописи: за № 1056 и за № 570 для научныхъ занятій э.-о. профессора А. П. Голубцова, срокомъ на три мѣсяца.

О полученіи означенныхъ рукописей Совѣтъ Академіи покорнѣйше просить увѣдомить“.

и) Отношеніе Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею (на имя Пресвященнаго Ректора Академіи) отъ 10 мая за № 8866:

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Пресвященства, отъ 3 сего мая за № 387, вмѣстѣ съ симъ высылаются особою посылкою принадлежащія библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи двѣ рукописи за №№ 210 и 977 для временнаго пользованія при научныхъ занятіяхъ профессора А. П. Голубцова.

Сообщая о семь, имѣю честь покорнѣйше просить не оставить увѣдомленіемъ о полученіи означенныхъ рукописей, по минованіи же надобности не отказать въ Вашемъ распоряженіи о возвратѣ ихъ по принадлежности.

При этомъ желательнo, чтобы рукописи во все время пользованія ими хранились въ Академической Библіотекѣ“.

і) Отношеніе О. Настоятеля Кіево-Софійскаго Капеллярнаго Собора отъ 23 мая за № 100:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Московской Духовной Академіи, отъ 3 мая сего года за № 388, честь имѣю при семь выслать въ оный Совѣтъ, на трехмѣсячный срокъ, принадлежащій библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора Архіерейскій Чиновникъ, переписанный 1650 года, по повелѣнію Гедеона Балабана, Епископа Холмскаго. При семь считаю долгомъ увѣдомить Совѣтъ Академіи, что въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора имѣются еще два рукописные Архіерейскіе Чиновники за №№ 75 и 76, но они, по крайней ветхости, не могутъ быть высланы“.

к) Отношеніе Правленія Вологодской Духовной Семинаріи отъ 23 мая за № 338:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 28 апрѣля 1903 года за № 323, Правленіе Вологодской Духовной Семинаріи имѣеть честь увѣдомить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, что про-

симая рукопись Апостола на пергаментѣ, за № 1419/2 по описанію П. М. Строева, находится въ настоящее время на рукахъ у преподавателя Семинаріи Ивана Суворова и, по его заявленію, нужна ему для его ученыхъ занятій“.

Справка: Высланныя рукописи переданы для постоянного храненія въ фундаментальную академическую бібліотеку, о чемъ и сообщено г.г. профессорамъ Академіи Г. А. Воскресенскому и А. П. Голубцову, для научныхъ занятій которыхъ онѣ выписаны.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отношенія: а) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры отъ 23 мая за № 592 и б) О. Настоятеля Велюнской бригадной церкви, отъ 29 мая за № 138, при которыхъ препровождены въ даръ Академіи различныя книги и брошюры.

Опредѣлили: Благодарить жертвователей.

XV. Записки профессоръ и преподавателей Академіи: П. Цвѣткова, Г. Воскресенскаго, А. Шостыина, А. Спасскаго, П. Андреева, П. Соколова и Е. Воронцова о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрести для академической бібліотеки.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи Константину Попову выписать для академической бібліотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XVI. Прошеніе студента IV курса Академіи Петра *Анисимова*:

„Желая возстановить родовую фамилію мою „Аванасьевъ“, случайно замѣненную по отчеству, имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи на основаніи метрическаго свидѣтельства о моемъ рожденіи и крещеніи за № 40, свидѣтельства о явкѣ къ исполненію воинской повинности за № 906 и увольнительнаго отъ крестьянскаго общества свидѣтельства за № 1788—писать въ дипломъ (или аттестатъ) объ окончаніи мною курса въ Московскои Духовнои Академіи фамилію мою „Аванасьевъ (онъ же Анисимовъ)“.

Справка: 1) Въ метрической выписи о рожденіи и крещеніи студента Анисимова, выданной причтомъ Троицкой церкви села Байглычева, Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи, отъ 12 августа 1888 года за № 40, между прочимъ

значится: „.....Родители его: деревни Апанасовой казенный изъ чувашь крестьянинъ Анисимъ Андреевъ *Апанасъевъ* и законная жена его Анна Тихонова, оба православные“.— 2) Свидѣтельство о явкѣ студента Анисимова къ исполненію воинской повинности, выданное Тетюшскимъ уѣзднымъ по воинской повинности Присутствіемъ 27 октября 1895 года за № 906, начинается словами: „*Афанасъевъ* Петръ Анисимовъ, крестьянинъ Казанской губерніи, Тетюшскаго уѣзда, Алькеевской волости, дер. Апанасовой Темяшъ, являлся къ исполненію воинской повинности“.....—3) Увольнительное свидѣтельство отъ 10 октября 1896 года за № 1788 гласить: „Настоящее увольнительное свидѣтельство выдано, согласно 130 ст. общ. пол. о крест., Тетюшскаго уѣзда, Алькеевскимъ Волостнымъ Старшиной Молодовымъ, крестьянину подвѣдомственной волости, дер. Апанасово-Темяшъ Петру Анисимову *Афанасъеву*, 22 лѣтъ, въ томъ, что къ перечисленію его изъ податного сословія въ духовное званіе, согласно его желанія, законныхъ препятствій со стороны Апанасово-Темяшскаго Сельскаго Общества и Волостнаго Правленія не имѣется“. 4) Лишь въ аттестатѣ объ окончаніи курса съ званіемъ студента въ Симбирской Духовной Семинаріи отъ 25 іюня 1899 года за № 282, по которому студентъ Анисимовъ былъ принятъ въ Академію, значится: „Воспитанникъ Симбирской Духовной Семинаріи *Анисимовъ* Петръ, сынъ крестьянина изъ чувашь дер. Апанасовой Темяшъ Алексѣевской (?) волости, Тетюш. у., Казан. губ.. Анисима *Апанасъева*, родившійся“..... и т. д.

Опредѣлили: Въ виду полнаго согласія всѣхъ, изложенныхъ въ справкѣ, основныхъ документовъ о родовой фамиліи студента Петра Анисимова, просьбу его признать заслуживающею удовлетворенія и въ документахъ объ окончаніи имъ курса въ Московской Духовной Академіи именовать его „*Апанасъевымъ*“, съ прибавленіемъ въ скобкахъ и прежней фамиліи „Анисимовъ“, подъ которою онъ значился въ теченіи четырехлѣтняго академическаго курса.

XVII. Разсуждали о *производствѣ повторныхъ испытаній* студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августъ мѣсяцъ текущаго 1903 года для поступленія въ составъ новаго (ЕХІІ) академическаго курса по назначенію начальства и по собственному желанію.

Справка: 1) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 4—13 декабря 1901 года за № 4939 постановлено: „установить общимъ для всѣхъ духовныхъ академій правиломъ, чтобы поступающимъ въ нихъ пріемныя испытанія производились, въ предѣлахъ семинарскаго курса, по *Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завета, догматическому богословію, церковной исторіи общей и русской и одному изъ древнихъ языковъ по выбору самихъ студентовъ*; независимо отъ сего, экзаменующіеся должны написать на заданныя темы сочиненія по *нравственному богословію, философскимъ предметамъ и поученію*“.—2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 марта 1873 года за № 10 Совѣтамъ Академій вмѣнено въ обязанность, чтобы они при пріемѣ воспитанниковъ семинарій въ Академіи обращали самое строгое вниманіе на состояніе ихъ здоровья и подвергали всѣхъ явившихся къ испытанію надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію.—3) По § 81 лит. б п. 2 устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Поручить академическому врачу Сергѣю *Успенскому* подвергнуть, въ присутствіи О. Инспектора Академіи *Архимандрита Евдокима* и члена Правленія Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Николая *Каптерева*, 16 и 18 августа 1903 года надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію всѣхъ прибывшихъ для поступленія въ составъ новаго академическаго курса.—2) 19, 20 и 21 августа назначить письменныя испытанія по философіи, нравственному богословію и составленію поученія.—Тему для перваго сочиненія поручить дать экстраординарному профессору Академіи Алексѣю *Введенскому*, для втораго—экстраординарному профессору Михаилу *Таръеву*, для поученія—О. Инспектору Академіи *Архимандриту Евдокиму*.—Чтеніе и опѣнку сочиненій поручить, кромѣ преподавателей, дающихъ темы, слѣдующимъ лицамъ: перваго—исправляющему должность доцента Академіи Павлу *Соколову*, втораго—Преосвященному Ректору Академіи *Епископу Арсенію*, поученія—исправляющему должность доцента Академіи *іеромонаху Иосифу*.—Всѣ темы должны быть предварительно представлены Преосвященному Ректору Академіи.—3) 22 и

23 августа произвести испытанія по древнимъ языкамъ посредствомъ комиссіи изъ заслуженнаго ординарнаго профессора Петра *Цвѣткова*, экстраординарнаго профессора Александра *Голубцова* и исправляющаго должность доцента Дмитрія *Коновалова*.—4) 25, 26 и 27 августа произвести устныя испытанія по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, догматическому богословію, церковной исторіи—общей и русской—посредствомъ комиссій: по Священному Писанію—изъ О. Инспектора Академіи *Архимандрита Евдокима*, ординарнаго профессора Митрофана *Муретова* и экстраординарнаго профессора Василия *Мышцына*; по догматическому богословію—изъ Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Арсенія*, заслуженнаго ординарнаго профессора Александра *Бѣляева* и экстраординарнаго профессора Ивана *Попова*; по церковной исторіи—изъ заслуженнаго ординарнаго профессора Василия *Соколова*, экстраординарнаго профессора Анатолия *Спаскаго* и исправляющаго должность доцента Сергѣя *Смирнова*.—5) 28 августа произвести устныя испытанія дѣйствительныхъ студентовъ Академіи, ищущихъ степени кандидата богословія, и переводныя и выпускныя испытанія студентовъ, не державшихъ оныхъ въ маѣ мѣсяцѣ по болѣзни.—6) Постановленія сіи представить на Архипастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1903 г. Іюня 21. По ст. IX. Согласенъ ходатайствовать. По ст. XI. По примѣру прежнихъ лѣтъ разрѣшается Совѣту Академіи получить на издательское дѣло въ текущемъ 1903-мъ году 2000 рублей изъ суммъ Перервинскаго монастыря.—Прочее утверждается“.

### 5 іюня 1903 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, А. Введенскаго, А. Спаскаго, В. Мышцына, И. Андреева и М. Тарѣева.

Слушали: I. Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи табели бал-

ловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшій 1902—1903 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) *Изъ 49-ти студентовъ I курса:* а) студенты *Меньшиковъ* Всеволодъ и *Палицынъ* Иванъ по болѣзни не держали устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ I курса и не представили: первый—третьяго семестроваго сочиненія по словесности, второй—проповѣди.—Студенту *Меньшикову* резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 1 мая сего года разрѣшено представить сочиненіе и сдать устныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ; о такомъ же разрѣшеніи просить и студентъ *Палицынъ*.—б) Поведеніе 42-хъ студентовъ обозначено балломъ 5, 5-ти—балломъ 5— и 2-хъ балломъ 4.

2) *Изъ 54 студентовъ II курса:* а) студенты *Бляевскій* Андрей и *Попцовъ* Михаилъ не держали, по болѣзни, устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ II курса, не представили семестровыхъ сочиненій и проповѣди и подали прошенія объ оставленіи ихъ во II курсѣ на второй годъ; б) студентъ *Успенскій* Константинъ, также по болѣзни, не держалъ устныхъ испытаній по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, патристикѣ, библейской археологіи и греческому языку и просить ходатайства Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи ему сдать означенныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1903 года.—в) студентъ *Смирновъ* Николай I-й по опредѣленію Правленія Академіи отъ 10 іюня 1902 года уволенный, вслѣдствіе болѣзни, на весь 1902—1903 учебный годъ въ домъ родителей съ правомъ обратнаго поступленія въ Академію подъ условіемъ благоприятнаго заключенія академическаго врача о состояніи его здоровья, не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ II курса, не представилъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди.—г) Поведеніе 51-го студента обозначено балломъ 5 и 3-хъ—балломъ 5—.

3) *Изъ 50 студентовъ III курса:* а) студентъ *Архангельскій* Михаилъ, по опредѣленію Правленія Академіи отъ 10 іюня 1902 года уволенный, вслѣдствіе болѣзни, на весь 1902—1903 учебный годъ въ домъ родителей съ правомъ обратнаго поступленія въ Академію подъ условіемъ благоприятнаго заключенія академическаго врача о состояніи его здо-

ровья, не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ III курса, не представилъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди.—б) Поведеніе 42-хъ студентовъ обозначено балломъ 5, 6-ти—балломъ 5— и 2-хъ балломъ 4.

Справка: 1) § 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса“. 2) По § 81 лит. а п.п. 4—5 устава духовныхъ академій: „составленіе списка студентовъ послѣ испытаній и переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значитса въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность дозволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высокопреосвященства.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I, II III курсовъ Академіи,—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) *во II курсъ*—студентовъ I курса: 1) Бѣляева Михаила, Чернявскаго Николая, Семидалова Владиміра, Андреева Владиміра, 5) Качоровскаго Наркисса, Меліоранскаго Василія, Сулова Алексѣя, Горностаева Николая, священника Часоводова Николая, 10) Соколова Виктора, Соколова Петра, Крутикова Андрея, Парнаскаго Василія, Якубовича Івана, 15) Макова Александра, Рождественскаго Николая, Лебедева Алексѣя, Перехвальскаго Сергѣя, Титова Николая, 20) Воскресенскаго Евгенія, свящ. Королева Михаила, Зубарева Сергѣя, Успенскаго Андрея, Соколова Андрея, 25) Тихоми-

рова Александра, Королева Аркадія, Петрова Сергѣя, Гусева Анатолія, Словинскаго Ивана, 30) Смирнова Василя, Бартенева Александра, Тирича Ивана—серба, Краско Николая, Лепехина Павла, 35) Писаревскаго Николая, Владиславлева Константина, Иванова Харитона, Лагова Петра, Пятницкаго Нила, 40) Веретенникова Михаила, Бѣляева Ивана, свящ. Опоцкаго Николая, Цвѣтановича Іосифа—серба, свящ. Звѣздкина Іоанна, 45) Лебедева Виктора, Видаковича Любомира—серба, 47) Павловича Боголюбца—серба.

б) *въ III курсѣ*—студентовъ II курса: 1) Россейкина-Косацкѣ Теодора, Адамова Ивана, Казасѣ Александра, Лебедева Ивана, 5) свящ. Рождественскаго Димитрія, Никольскаго Александра, іеродіакона Игнатія (Дверницкаго), Златоустава Павла, Бориса Антона, 10) Благоволина Теодора, Никитскаго Владиміра, Тихонравова Сергѣя, Левитова Василя, Смирнова Михаила, 15) Громцева Николая, Явойскаго Ивана, Протопопова Виктора, Добротворскаго Николая, Роздольскаго Александра, 20) Розанова Владиміра, Булыгина Сергѣя, Чистякова Ивана, Ястребова Николая, Шафранова Николая, 25) Демьянова Григорія, Новочадова Владиміра, свящ. Боголюбова Владиміра, іеродіакона Панарета (Наумова)—болгар. урож., Флорова Василя, 30) Троицкаго Александра, Неутрѣвскаго Ивана, Дьяченко Николая, Смирнова Николая 2-го, Виндряевскаго Михаила, 35) Евсѣева Константина, Никольскаго Павла, Иванова Петра, Лясковскаго Николая, Федоровскаго Михаила, 40) Стоянова Ивана, Соловьева Михаила, Грандилевскаго Александра, Павскаго Григорія, Соболева Всеволода, 45) Петропавловскаго Александра, Ершова Филиппа, Батина Александра, Нежданова Алексѣя, Божовича Григорія, серба, 50) Орлова Митрофана.

в) *въ IV курсѣ*—студентовъ III курса: 1) Орлова Анатолія, Остроумова Михаила, Одинцова Михаила, Буравцева Николая, 5) Кобрина Николая, Шарапова Алексѣя, Дьяченко Владиміра, Вершинскаго Георгія, Кутузова Михаила, 10) Соконова Михаила, Цвѣткова Владиміра, Богородскаго Николая, Дорошевскаго Теодора, Соколова Алексѣя, 15) Гречева Бориса, Береснева Платона, Лозинскаго Николая, Покровскаго Николая, Максимовича Владана, серба, 20) Воскресенскаго Николая, Кирикова Владиміра, Адамова Ивана, Старокадомскаго Григорія, іеродіакона Алексія (Симанскаго),



25) Волотовскаго Михаила, Судакова Ивана, Василькова Павла, Моисеева Александра, свящ. Добротворскаго Василія, 30) Богословскаго Сергѣя, Платонова Михаила, Свамицкаго Павла, Трапицына Василія, Жиромскаго Іосифа, 35) Немѣшаева Димитрія, Звѣрева Георгія, Денисова Константина, Недригайлова Ивана, Лукшина Александра, 40) Бензина Василія, Ястребцева Михаила, Казанскаго Николая, Плотникова Евгенія, Антонова Александра, 45) Строева Александра, Минераллова Александра, Казанцева Николая, Крестіанпола Павла и 49) Ильинскаго Сергѣя.

2) Студентовъ: II курса—*Бѣлявскаго* Андрея, *Попцова* Михаила и *Смирнова* Николая I-го и III курса—*Архангельскаго* Михаила (послѣднихъ двухъ—въ случаѣ обратнаго принятія ихъ въ Академію академическимъ Правленіемъ) оставить, по болѣзни, въ тѣхъ же курсахъ на второй годъ.—

3) Студентамъ: II к. *Успенскому* Константину и I к. *Палицыну* Ивану (послѣднему—подъ условіемъ представленія отъ пользовавшаго его врача удостовѣренія о возможности для него дальнѣйшаго пребыванія въ Академіи) дозволить сдать устныя испытанія (а Палицыну—и представить проповѣдь) послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1903 г.—

4) Постановленіе, изложенное въ п. 3-мъ, представить на Архипастьрское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго:  
„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣннн вѣдомости оказалось, что изъ 56 студентовъ IV курса: 1) 4 студента: *Высотскій* Павелъ, *Лепехинъ* Николай, *Линьковъ* Александръ и *Успенскій* Михаилъ, по болѣзни, не держали устныхъ испытаній: первые трое — по всѣмъ, а послѣдній по тремъ (догматическому, нравственному и пастьрскому богословію) предметамъ IV курса.—Изъ нихъ студентъ *Высотскій* Павелъ, по опредѣленію Правленія Академіи отъ 10 іюня 1902 года уволенный, по болѣзни, на 1902—1903 учебный годъ на родину, съ правомъ обратнаго поступленія въ Академію подъ условіемъ благопріятнаго заключенія академическаго врача о состояннн его здоровья, не представилъ также, кромѣ кандидатскаго сочиненія,—и проповѣди.

2) 8 студентовъ: *Буктовниковъ Стефанъ*, болгарскій уроженецъ, *Высотскій Павелъ*, *іеродіаконъ Іларіонъ (Николовъ)*, болгарскій уроженецъ, *Лепехинъ Николаѣ*, *Нечаевъ Ксенофонтъ*, *Покровскій Дмитрій*, *Смирновъ Александръ* и *Трошцкій Дмитрій*—не представили кандидатскихъ сочиненій.

3) Неудовлетворительные для степени кандидата баллы за четыре года академическаго курса имѣютъ студенты: *Абурусъ Илья*, сирійскій уроженецъ,—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по Священному Писанію Новаго Завѣта — 2— и церковной археологіи и литургикѣ— $2\frac{1}{2}$ ; *іеродіаконъ Аванасій (Трифоновъ)*, болгарскій уроженецъ,— на семестровыхъ сочиненіяхъ: по метафизикѣ— 2+ и церковной археологіи литургикѣ— $2\frac{1}{2}$ ; *Ващенко Григорій*—на семестровомъ сочиненіи по Священному Писанію Новаго Завѣта—2; *Евладовъ Петръ*—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по метафизикѣ— $2\frac{1}{2}$  и церковной археологіи и литургикѣ— $2\frac{1}{2}$ ; *іеродіаконъ Іларіонъ (Николовъ)*, болгарскій уроженецъ,— на семестровыхъ сочиненіяхъ: по словесности— $2\frac{1}{2}$ , по церковной археологіи и литургикѣ— $2\frac{1}{2}$  и на проповѣди за I курсъ— $2\frac{1}{2}$ ; *Покровскій Дмитрій*—на семестровомъ сочиненіи по церковной археологіи и литургикѣ— $2\frac{1}{2}$  и на проповѣди за I курсъ— $2\frac{1}{2}$ ; *Поновъ Христо*, болгарскій уроженецъ,—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по психологіи— $2\frac{1}{2}$  и общей церковной исторіи—1 и *Смирновъ Александръ*—на семестровомъ сочиненіи по метафизикѣ—2+.

4) Изъ выдержавшихъ удовлетворительно испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго образованія и представившихъ кандидатскія сочиненія—12 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса баллъ не менѣе  $4\frac{1}{2}$ , 24—не менѣе 4 и 5— не менѣе 3.

5) Поведеніе за истекшій 1902 — 1903 учебный годъ у 55-ти студентовъ отмѣчено балломъ 5 и у 1-го—балломъ 4.

6) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 48 студентовъ IV курса:

1) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Абуруса Ильи* на тему: „Латинская унія въ Сиріи“:

„Сочиненіе г. Ильи Абуруса можетъ быть раздѣлено на двѣ большихъ половины, изъ которыхъ первая (1—230) об-

суждаетъ причины, условившія собою появленіе и успѣхъ латинской уніи среди сирійцевъ, вторая же (230—532) излагаетъ ходъ событій отъ возникновенія уніи въ XVIII стол. до настоящаго времени. Причины, подготовившія для уніи благоприятную почву, авторъ указываетъ: а) въ созданномъ вѣками и продолжающемся доселѣ безправномъ политическомъ и гражданскомъ положеніи сирійцевъ, въ ихъ религіозной и національной разрозненности и безпомощности; б) въ незаконномъ господствѣ грековъ въ антиохійскомъ патріархатѣ; в) въ бѣдственномъ матеріальномъ и умственномъ состояніи сирійскаго населенія, лишеннаго всякой внѣшней опоры, и г) въ настойчивыхъ стремленіяхъ латинскаго мисіонерства, въ прочной организаціи его, въ матеріальномъ богатствѣ и ловкихъ, обдуманыхъ приемахъ пропаганды. Вторая половина сочиненія въ большей своей части содержитъ параллельное изложеніе фактовъ изъ исторіи православной и униатской церкви въ Сиріи и заканчивается краткимъ очеркомъ современнаго ихъ положенія.

Главный недостатокъ сочиненія Ильи Абурусса состоитъ въ необработанности его со стороны внутренней и внѣшней. Его исторія латинской уніи въ Сиріи представляетъ собою не исторію, а сводъ матеріаловъ для этой исторіи, понахватаанныхъ отовсюду и весьма мало упорядоченныхъ. Масса свѣдѣній, добытыхъ имъ, подавила его, и онъ вноситъ въ свою работу все, что имѣетъ лишь какую-нибудь хотя бы самую случайную и отдаленную связь съ его вопросомъ, не отличая главнаго отъ второстепеннаго. На содержаніи сочиненія этого сказалось введеніемъ въ него совершенно лишневихъ отдѣловъ (такъ напр. о распространеніи христіанства въ Сиріи въ эпоху апостольскую, объ ученіи Магомета и отношеніи арабовъ къ христіанамъ, о Ліонской и Флорентійской уніи и пр.) и обиліемъ излишнихъ подробностей (напр. въ изображеніи политическаго состоянія Сиріи въ XVII—XIX вв.). Но если въ первой половинѣ сочиненія и встрѣчаются нѣкоторыя попытки къ обобщеніямъ, то вторая и главная часть его предлагаетъ въ себѣ лишь сухой перечень отдѣльныхъ фактовъ, связанныхъ между собою только хронологически. Эта внутренняя неупорядоченность сочиненія отразилась и на внѣшней сторонѣ его. Не говоря уже о недостаткахъ грамматическихъ и стилистическихъ, изло-

женіе автора не удовлетворяетъ самымъ непритязательнымъ требованіямъ литературной послѣдовательности. Повторенія прежде сказаннаго, ссылки на предстоящее впереди и такіе приемы, какъ „теперь перейдемъ или возвратимся къ тому-то“, „опять возвратимся“ и пр. составляютъ постоянное свойство авторскаго стиля.

Но, при этомъ своемъ главномъ недостаткѣ, сочиненіе имѣетъ и свои положительныя достоинства. Полнаго одобренія заслуживаетъ тотъ широкій взглядъ, съ какимъ авторъ приступилъ и которымъ онъ руководствовался въ изложеніи своего предмета. Онъ понимаетъ унію, какъ конечный и неизбѣжный результатъ всей, полной борьбы и нестройной, исторіи несчастнаго сирійскаго племени, и самое излишество привлеченнаго имъ къ дѣлу матеріала объясняется отчасти этимъ стремленіемъ его охватить вопросъ шире и глубже. Причины, условившія собой появленіе и успѣхъ латинской уніи среди православныхъ сирійцевъ, указаны имъ полно и правильно. Кромѣ литературы, существующей на русскомъ и арабскомъ языкахъ, онъ пользовался еще архивомъ Гавріила, митрополита триполійскаго, перепиской съ сирійскими іерархами и своими собственными воспоминаніями и наблюденіями. Это дало ему возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ пополнить прошлую исторію уніи новыми документами, отчасти приведенными имъ въ сочиненіи цѣликомъ, а главное сообщить рядъ бытовыхъ наблюденій, объясняющихъ современный успѣхъ уніи. Что касается до языка и стиля, то нужно принять во вниманіе, что авторъ сочиненія сиріецъ, и что поэтому самыя недостатки въ этомъ родѣ скорѣе свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ не прибѣгалъ къ посторонней помощи, какъ это часто наблюдается на примѣрахъ другихъ иностранцевъ, знаніе же русскаго языка, проявленное имъ, вполне достаточно. Во всякомъ случаѣ, для самого автора, котораго, какъ намъ извѣстно, скорѣе ожидаетъ довольно видное назначеніе, трудъ, отданный имъ на изученіе этого центральнаго и въ то же время гибельнаго для сирійскаго православія явленія въ его прошломъ и современномъ состояніи, долженъ служитьнаибольше лучшей подготовкой къ предстоящей ему дѣятельности.

Признаемъ сочиненіе достаточнымъ для полученія авторомъ степени кандидата богословія“.

2) Исправляющего должность доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Алмазова Михаила* на тему: „Метафизическія основанія богословія по сочиненіямъ Вл. С. Соловьева“:

„Указавъ во введеніи къ своему изслѣдованію (стр. 1—40) историческое положеніе Вл. С. Соловьева, какъ философа, авторъ въ I гл. даетъ общую характеристику его философіи (стр. 41—79), во II гл.—изложеніе его гносеологіи (стр. 83—107) и въ III гл. — его метафизическое ученіе о Богѣ (стр. 109—150). За этими вводными главами, присутствіе которыхъ въ сочиненіи, по существу дѣла, вполне законно и умѣстно, г. Алмазовъ въ IV—VIII главахъ своего труда даетъ полное и документальное изложеніе собственно богословскихъ воззрѣній Вл. С. Соловьева, сопоставляя ихъ съ основными принципами его философіи. Эта философская теологія обнимаетъ почти всю православную догматику. Здѣсь находимъ — ученіе о тринитности Абсолютнаго (=о Богѣ тринитномъ въ лицахъ, стр. 152—185), о происхожденіи міра (о Богѣ—Творцѣ, стр. 187—213), о человѣкѣ и религиозно-историческихъ судьбахъ человѣчества (о Богѣ—Предустроителѣ человѣческаго спасенія, стр. 215—240), о Христѣ и искупленіи (о Богѣ—Спасителѣ, Искупителѣ и Освятителѣ и объ условіяхъ освященія, стр. 242—270), о церкви, какъ посредницѣ въ освященіи человѣка (стр. 272 — 293). Главы IX и X посвящены оцѣнкѣ метафизическихъ и богословскихъ воззрѣній Соловьева (295—340. 341—369). Въ философскомъ отношеніи онъ упрекаетъ Соловьева въ неудачной попыткѣ сгладить противорѣчіе между пантеизмомъ и теизмомъ и примирить интересы вѣры и знанія. Съ богословской же точки зрѣнія онъ находитъ у него не малые и положительныя заслуги, хотя болѣе усвоаетъ ему значенія въ исторіи русской богословской мысли.

Работа г. Алмазова есть плодъ чрезвычайно тщательнаго изученія сочиненій покойнаго философа и имѣющихъ къ нему отношеніе русскихъ и иностранныхъ книгъ. Эта тщательность обработки должна быть отмѣчена, какъ главное достоинство сочиненія. Въ первыхъ 8 главахъ трудно указать какую-либо существенную ошибку или пробѣлъ. Изложеніе вполне литературное.

Что же касается критики, то въ авторѣ въ не особенно

выгодномъ смыслѣ чувствуется перевѣсъ теолога надъ философомъ. Да и богословскую точку зрѣнія автора нельзя не упрекнуть въ нѣкоторомъ чрезмѣрномъ консерватизмѣ: многіе упреки Соловьеву въ неправославіи могли бы и не быть сдѣланы безъ ущерба для собственнаго православія автора. Въ общемъ всетаки видно писателя, работающаго съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Степени кандидата богословія г. Алмазовъ вполне заслуживаетъ“.

3) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Ареѣева Ивана* на тему: „Чудесное насыщеніе и бесѣда Господа о хлѣбѣ жизни (толкованіе VI главы евангелія отъ Іоанна)“:

„Сочиненіе г-на Ареѣева хотя и не свободно отъ крупныхъ недостатковъ, а именно: не выяснено положеніе даннаго отдѣла въ общемъ планѣ евангелія Іоанна, нѣтъ ближайшаго раскрытія іудейско-мессіанскихъ воззрѣній по отношенію къ толкуемому событію, мало филологическаго и текстуально-критическаго изученія и отсутствуетъ знакомство съ истолковательными трудами Оригена и Августина,— но что есть въ сочиненіи, то составлено на основаніи достаточнаго знакомства какъ съ древнею (Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Теофилакта, Зигабена и др.), такъ и съ новою иностранною литературою по толкованію даннаго отдѣла, представляетъ работу вполне законченную и написано яснымъ языкомъ, почему и вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

4) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *іеромонаха Арсенія (Жадановскаго)* на тему: „Бесѣды преп. Макарія Египетскаго“:

„Творенія преп. Макарія Египетскаго уже изучались съ различныхъ точекъ зрѣнія. Проф. Катанскій писалъ о благодати по Макарію, Кратировъ—о жизни, смерти и воскресеніи, Поповъ—о совѣсти, архим. Григорій—о возрожденіи, проф. Бронзовъ—о жизни и твореніяхъ преп. Макарія. Не было до сихъ поръ труда, который былъ бы посвященъ изученію твореній преп. Макарія исключительно съ гомилетической точки зрѣнія. А между тѣмъ и съ этой стороны его творенія могутъ и должны быть изучаемы. Это — великій христіанскій учитель. Его творенія оказывали вліяніе не только на современниковъ, но и на послѣдующія поколѣнія

до сего дне. Особенно много черпали изъ него мистики восточные и западные. Гомилетическая точка зрѣнія преп. Макарія нова; ее нельзя смѣшать съ взглядами на проповѣдь ни одного изъ его предшественниковъ. Вообще преп. Макарій, какъ проповѣдникъ, настолько оригиналенъ, что даже протестантскіе писатели удѣляли ему немало вниманія,—тѣ писатели, которые обыкновенно скептически относятся къ святоотеческой литературѣ, а къ твореніямъ иноковъ—аскетовъ и подавно. Задачу—нарисовать предъ читателемъ живой образъ преп. Макарія какъ проповѣдника и взять на себя авторъ.

Свое сочиненіе о. Арсеній начинаетъ рѣчью о подлинности бесѣдъ преп. Макарія. Многие изъ ученыхъ, основываясь, повидимому, на солидныхъ данныхъ, оспариваютъ принадлежность бесѣдъ преп. Макарію. Одни (Possin) называютъ авторомъ этихъ бесѣдъ Макарія 3-го, ученика преп. Антонія Великаго, другіе (Oudin) приписываютъ ихъ Марку подвижнику, третьи (Semler)—необразованнымъ слушателямъ, записавшимъ и распространившимъ устныя бесѣды Макарія. Нѣкоторые находятъ въ нихъ слѣды Пелагианства даже и тѣмъ самымъ въ корнѣ стараются подорвать церковное ученіе о принадлежности бесѣдъ преп. Макарію. Авторъ дѣлаетъ краткій разборъ всѣхъ этихъ гипотезъ и рѣшаетъ вопросъ о подлинности 50 бесѣдъ, приписываемыхъ преп. Макарію, въ положительномъ смыслѣ. Рѣшая этотъ вопросъ, онъ не слѣдуетъ рабски за различными учеными, заимствуя отъ нихъ оружіе и стрѣлы на своихъ враговъ, но привноситъ въ колчанъ ученыхъ еще и свои стрѣлы. Такъ весьма любопытна и цѣнна попытка автора въ вопросѣ о подлинности бесѣдъ—поставить въ самую тѣсную связь содержаніе и духъ этихъ бесѣдъ съ отличительными чертами духа Макарія, его созерцаній и молитвъ. Рѣшивъ вопросъ о 50 бесѣдахъ, онъ рѣшаетъ другой, подобный же вопросъ, о подлинности семи словъ и другихъ различныхъ произведеній, приписываемыхъ также преп. Макарію. Далѣе идетъ рѣчь объ источникахъ и пособіяхъ, какими пользовался при написаніи своего труда авторъ. Иностранныхъ и русскихъ, большихъ и малыхъ статей, онъ насчитываетъ до 50. Любопытны въ этомъ отдѣлѣ желанія автора видѣть новое изданіе твореній преп. Макарія, которое бы вполне отвѣчало всѣмъ но-

вѣйшимъ открытіямъ, сдѣланнымъ въ этой области аскетической литературы (1—73). Первая глава посвящена жизнеописанію преп. Макарія. Здѣсь авторъ, годъ за годомъ, въ строго хронологическомъ порядкѣ, ведетъ свой разсказъ о жизни преподобнаго, не опуская почти ни одной самой ничтожной черты изъ этой „духоносной жизни“, передавая мельчайшія многоразличныя событія: чудеса, нападенія демоновъ, встрѣчи съ иноками, мірянами, учеными, языческими жрецами, еретиками и т. д. Въ такомъ духѣ ведется разсказъ до послѣдняго дня жизни преп. Макарія. Не принося въ общемъ ничего новаго, по мѣстамъ онъ дѣлаетъ нѣкоторыя поправки и дополненія, напр., въ вопросѣ о родителяхъ Макарія, годѣ его рожденія и смерти (78—209). Въ третьей—восьмой главѣ авторъ предлагаетъ читателю систему міросозерцанія Макарія, излагая его по слѣдующимъ параграфамъ: „невинное состояніе первыхъ людей въ раю“, „состояніе человѣка послѣ паденія“ и т. д. Свой обзоръ міросозерцанія Макарія кончаетъ параграфомъ: „смерть и будущая жизнь“ (214). Изложеніе всюду краткое, точное, ведется не только по русскому переводу твореній Макарія, но и по греческому. Предъ читателемъ раскрываются самыя сокровенныя тайники души человѣческой, дѣйствіе въ ней благодати Божіей и грѣха, ея возстанія и паденія, ея ростъ до уподобленія Богу, и ея ниспаденіе до уподобленія диаволу. Здѣсь же даны отвѣты на многіе глубочайшіе и вѣковѣчные вопросы: о грѣхѣ перваго человѣка, спасеніи, вѣчной жизни и т. д. Словомъ, это—маленькій спутникъ, руководитель каждаго христіанина на землѣ по вопросамъ вѣро-и-нравоученія (209—518). Въ девятой—десятой главахъ авторъ дѣлаетъ разборъ бесѣдъ преп. Макарія съ гомилетической точки зрѣнія. Прежде всего онъ характеризуетъ ихъ съ внутренней стороны. По его мнѣнію, преп. Макарій является выразителемъ, создателемъ новаго типа проповѣди, до него почти еще не существовавшего. Онъ—мистикъ проповѣдникъ. Грубый и внѣшній практицизмъ, публицистика чужды его проповѣди. Въ своихъ бесѣдахъ онъ не разъединяетъ догматъ и мораль, а говоритъ всегда о догматѣ, поскольку онъ является руководящимъ началомъ въ практической жизни христіанина, не въ загробной, а въ этой земной, настоящей. Связь между догматическими и нравствен-



ными истинами у него настолько тѣсна, что трудно даже прослѣдить, о чемъ онъ прежде всего говоритъ въ своихъ бесѣдахъ — о догматахъ или извѣстной христіанской правоучительной истинѣ (532). Всѣ бесѣды преп. Макарія свидѣтельствуютъ о глубокомъ психологическомъ опытѣ автора ихъ. Благодаря этому христіанскія истины раскрываются имъ не археологически, не исторически, не путемъ сложной, сухой, чисто логической аргументаціи, а психологически. Онъ говоритъ не чужое, а свое родное. Здѣсь заключается причина необыкновенной привлекательности ихъ и легкости ихъ усвоенія народомъ (518—595). Въ одиннадцатой главѣ характеризуетъ бесѣды преп. Макарія съ внѣшней стороны, говоритъ о планѣ, раздѣленіи, стилѣ ихъ и т. п. Особенно цѣнны въ этомъ отдѣлѣ тѣ страницы, на которыхъ авторъ говоритъ о стилѣ Макарія. Этотъ отдѣлъ разработанъ у автора весьма основательно, ясно, раздѣльно, даже блестяще (595—637). Последняя глава—заключительная (637—644). Въ концѣ сочиненія авторомъ приложенъ переводъ виднѣйшій Макарія о святыхъ Ангелахъ и перваго посланія (Migne. t. 34, с. 221—230; 405—410).

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе обширнаго сочиненія автора,—сочиненія серьезнаго, продуманнаго, богатаго цѣнными мыслями, вообще весьма содержательнаго. Въ качествѣ недостатковъ разсматриваемаго труда можно указать слѣдующіе. Начинаетъ свой трудъ авторъ ex abrupto, не сказавши ни слова о задачѣ, планѣ своего сочиненія и т. д. Критика нѣкоторыхъ отрицательныхъ мнѣній не вездѣ вполне побѣдоносна (5—6, 13, 17, 18 и др.). Біографія не приурочена къ главной задачѣ сочиненія—дать характеристику преп. Макарія, какъ учителя. Изложеніе фактическое, хронологическое. Отсюда множество біографическихъ подробностей, то неимѣющихъ прямого отношенія къ темѣ, то неимѣющихъ даже никакого отношенія къ темѣ (115, 124, 131, 138 сл. и др.). Факты, особенно ярко характеризующіе его, какъ пастыря-учителя, не освѣщаются, не подчеркиваются и такимъ образомъ теряются во множествѣ фактического матеріала. Вотъ почему мы, напр., объ „учительствѣ“ пр. Макарія читаемъ только на стр. 156—160 и отчасти на 190. Обзоръ содержанія бесѣдъ ведется приблизительно по плану нашихъ Догматикъ и Нравственныхъ богословій,

излагается по мѣстамъ сухо и притомъ своими словами (77 и др.). Вслѣдствіе этого въ указанныхъ мѣстахъ теряется оригинальность мысли Макарія и не вездѣ становится ясной умѣстность этихъ страницъ въ виду чисто гомилетическихъ задачъ сочиненія автора. Дѣло доходитъ до того, что по мѣстамъ авторъ только констатируетъ извѣстный пунктъ, параграфъ ученія у Макарія, не раскрывая нисколько его. Благодаря этому получается такое впечатлѣніе, какъ будто бы авторъ писалъ свое сочиненіе не по Гомилетикѣ, а по какому-либо другому предмету, напр., по Догматикѣ. Въ обзорѣ бесѣдъ Макарія съ внутренней стороны авторъ опять сбивается на изложеніе просто ученія Макарія, забывая, что у Гомилета здѣсь должны быть совершенно другія задачи. Обзоръ проповѣдей съ внѣшней стороны авторомъ въ общемъ сдѣланъ спутанно, не ясно (601 и др.). Пиша объ авторѣ-мистикѣ, нашъ авторъ и самъ по мѣстамъ впадаетъ въ глубокій мистицизмъ, который съ трудомъ можно даже иногда уразумѣвать (398 и др.). Несвободно сочиненіе и отъ литературныхъ шероховатостей (87, 109, 158, 169, 175, 177; 189, 221, 229, 302, 321, 398 и др.).

За свой трудъ о. Арсеній ученой степени кандидата богословія заслуживаетъ вполнѣ. Многое изъ своего сочиненія авторъ съ успѣхомъ можетъ и напечатать даже“.

5) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василия Соколова о сочиненіи студента *іеродіакона Аванасія (Трифонова)* на тему: „Историческій очеркъ протестантской пропаганды въ Болгаріи“:

„Кромѣ краткаго предисловія, въ которомъ авторъ намѣчаетъ планъ своей работы, и перечня пособій, приложеннаго въ концѣ сочиненія, трудъ о. Аванасія состоитъ изъ введенія и трехъ главъ.

Во введеніи авторъ представляетъ историческій обзоръ политическаго и религіозно-нравственнаго состоянія Болгаріи до и послѣ ея освобожденія. Эта часть, написанная живо и читающаяся съ интересомъ, имѣетъ характеръ не столько научный, сколько публицистическій. Главный недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что авторъ совсѣмъ не считаетъ нужнымъ доказывать и подтверждать фактами свои положенія, заставляя читателя вѣрить ему во всемъ на слово. Такого безусловнаго довѣрія къ себѣ авторъ однако не внушаетъ

уже по тому одному, что подъ-часъ его собственныя положенія не совсѣмъ мирятся одно съ другимъ. На II стр. напр. онъ рѣзко отзывается объ эпохѣ „*духовнаго рабства* Болгаріи подѣ *игомъ* константинопольскаго патріарха“, а между тѣмъ самъ же послѣ восхваляетъ великія добродѣтели, твердую вѣру и истинно-христіанскую жизнь, которыя процвѣтали въ Болгаріи именно въ эту старую эпоху (стр. XVII и др.).

Глава первая имѣетъ своимъ предметомъ историческій очеркъ протестантской пропаганды сперва на востокѣ, откуда пришла она въ Болгарію, а затѣмъ и въ самой Болгаріи. Здѣсь авторъ подробно излагаетъ ходъ пропаганды въ разныхъ областяхъ и городахъ страны, изображаетъ тѣ средства, какія употреблялись пропагандистами для обезпеченія успѣха ихъ дѣятельности, и тѣ результаты, какими пропаганда сопровождалась. Характеристическая черта этой главы состоитъ въ большой сухости ея изложенія, при чемъ по большей части все дѣло сводится лишь къ указанію мелкихъ статистическихъ данныхъ по разнымъ городамъ и селамъ. Большимъ недостаткомъ этой части изслѣдованія о. Аванасія является отсутствіе точныхъ ссылокъ на тѣ источники, откуда заимствуются тѣ или другія статистическія данныя, тѣмъ болѣе, что въ вопросѣ, имѣющемъ полемическій характеръ, къ такого рода свѣдѣніямъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностію. Никакъ нельзя напр. повѣрить автору на слово, когда онъ утверждаетъ, что „протестантскіе миссіонеры и проповѣдники успѣли завербовать себѣ извѣстное число послѣдователей *только потому*, что пускали въ ходъ свои деньги“ (стр. 59).

Во второй главѣ авторъ говоритъ о церковно-административномъ устройствѣ протестантскихъ общинъ, при чемъ почти все содержаніе этой главы состоитъ только въ краткомъ изложеніи „устава болгарскихъ евангелическихъ церквей“ и съ своей стороны авторъ въ это изложеніе не привноситъ ничего.

Не много болѣе самостоятельности обнаруживаетъ о. Аванасій и въ послѣдней главѣ своего сочиненія, представляющей „обзоръ православной полемики противъ протестантской пропаганды въ Болгаріи“, давая здѣсь лишь краткое обзорѣніе содержанія нѣсколькихъ полемическихъ противъ про-

тестантства брошюръ, хотя по самому предмету своему эта глава представляется болѣе интересною.

Встрѣчаются иногда въ сочиненіи нѣкоторыя мелкія ошибки, какъ напр. особенно странное для болгарина утвержденіе, что будто бы Самоковъ находится „на сѣверѣ Болгаріи на границѣ ея съ Македоніей“ (стр. 50—51).

Въ общемъ, работа о. Аванасія довольно слабая, хотя авторъ потрудился порядочно, собралъ кое-какой матеріаль и нѣкоторыя части своего сочиненія писалъ, повидимому, съ живымъ интересомъ, вполне понятнымъ при работѣ, столь близкой его патриотическому чувству. Нельзя не замѣтить въ немъ искренней преданности православію, а также заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что авторъ успѣлъ въ весьма достаточной степени освоиться съ русскимъ языкомъ, противъ котораго грѣшить сравнительно очень мало.

Имѣя въ виду указанныя свойства работы о. Аванасія, а также руководясь и нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ нему, какъ иностранцу, нахожу возможнымъ признать его сочиненіе достаточнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

6) Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Аванасьева* (онъ же Анисимовъ) *Петра* на тему: „Николай Ивановичъ Ильминскій и его школьно-просвѣтительная система для инородцевъ“:

„Происходя изъ инородцевъ, авторъ самъ просилъ именно эту тему для кандидатской диссертациі. И все сочиненіе его показываетъ, какъ близко его сердцу дѣло христіанскаго просвѣщенія нашихъ инородцевъ и съ какимъ благоговѣніемъ относится онъ къ трудамъ и личности покойнаго Н. И. Ильминскаго.

Въ двухъ главахъ *первой* части сочиненія (стр. 5—83—143) мы находимъ довольно обстоятельное обзорѣніе того раннѣйшаго періода въ исторіи просвѣщенія инородцевъ христіанствомъ, когда, въ заботѣ о быстрой и количественной побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ и магометанствомъ, русскіе миссіонеры уклонились отъ завѣтовъ св. Стефана Пермскаго и Гурія Казанскаго и мало уже думали о необходимости постепеннаго проникновенія христіанства въ глубину сознанія новообращаемыхъ.

*Вторая* часть сочиненія (стр. 145—561) посвящена харак-

теристикъ личности и дѣятельности Н. И. Ильминскаго, при чемъ авторъ документально выясняетъ постепенный ростъ и развитіе школьно-просвѣтительной системы его подъ вліяніемъ собственнаго его опыта и разныхъ стороннихъ возраженій.—Появленіемъ этой системы, по словамъ автора, рѣзко обозначается начало *второго* періода христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, продолжающагося и доселѣ,—періода внутренняго перевоспитанія самаго сознанія и настроенія новообращаемыхъ въ духъ христіанства.

Наконецъ, выяснивъ сущность этой системы и примѣненіе ея къ нашимъ восточнымъ инородцамъ, авторъ присоединяетъ небольшое *заключеніе* (стр. 562—591), въ которомъ обзрѣваетъ возраженія противъ нея, появляющіяся въ современной литературѣ, и даетъ посильный критическій разборъ ихъ.

Съ любовію занявшись предметомъ по собственному выбору, авторъ старательно собралъ и изучилъ относящуюся къ нему литературу, не опустилъ изъ вида даже мелкихъ журнальныхъ статей самаго послѣдняго времени. Потому сочиненіе его отличается полнотою матеріала и, хотя не изобилуетъ какими-либо оригинальными мыслями, читается однако же съ большимъ интересомъ. Интересъ этотъ увеличивается еще отъ разбросанныхъ по мѣстамъ собственныхъ наблюденій автора надъ жизнью нѣкоторыхъ инородцевъ. Излишне добавлять, что во всѣхъ пунктахъ авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ системы Н. И. Ильминскаго.

Для степени кандидата богословія сочиненіе его совершенно достаточно“.

7) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Богоявленскаго Дмитрія* на тему: „Права, преимущества и обязанности православнаго русскаго священника по дѣйствующему законодательству“:

„Во *введеніи* (1—45) авторъ опредѣляетъ задачу, предметъ, методъ и планъ сочиненія, названнаго имъ „историко-каноническимъ изслѣдованіемъ“:

За исходный пунктъ сочиненія авторъ беретъ общенаблюдаемый фактъ противорѣчія между положеніемъ нашихъ священниковъ *de jure* и *de facto*. *De jure* положеніе это почетно, *de facto*—весьма неважно, нерѣдко унижительно. Объясненіе этого противорѣчія авторъ ставитъ своею задачею

и побужденіемъ къ тщательному изученію обширнаго матеріала.

Эта обширность матеріала вынуждаетъ его нѣсколько ограничить ту программу изслѣдованія, которая ему предносится въ идеальномъ представленіи предмета изслѣдованія. Онъ позволяетъ себѣ сдѣлать двухстороннее его ограниченіе.

Во-1-хъ, съ понятіемъ правъ и обязанностей соединяется представленіе о двухъ источникахъ, изъ коихъ они истекаютъ: каноническихъ и государственно-гражданскихъ. Авторъ предполагаетъ ограничить свое изслѣдованіе изученіемъ только послѣдняго источника, такъ какъ первый по общности своей для всѣхъ православныхъ священниковъ, не даетъ никакихъ характеристическихъ чертъ для спеціально русскаго православнаго священника. Во-2-хъ, въ общемъ понятіи православно-русскаго священника мыслятся, какъ виды его, благочинный, протоіерей, членъ консисторіи, священникъ военнаго, придворнаго вѣдомства и заграничный священникъ: авторъ желаетъ ограничить предѣлы своего сочиненія изложеніемъ правъ и обязанностей только приходскаго священника, безразлично — городскаго и сельскаго.

*Методъ* изслѣдованія авторъ избираетъ историческій: дѣйствительное гражд. положеніе священника образовалось постепенно, есть результатъ постепенно слагавшагося законодательства и историческихъ условій общественной жизни. По мнѣнію автора исторія *законодательнаго* опредѣленія правъ священника представляетъ слѣдующіе четыре періода:

I) византійское законодательство отъ IV по IX в.; II) древнерусское отъ начала Руси по XVII в.; III) законодательство XVIII и до половины XIX в., и IV) современное законодательство. Съ установленіемъ такого дѣленія гармонируютъ и тѣ условія общественной жизни, которыя, по мнѣнію автора, вліяли на образованіе указаннаго въ началѣ сочиненія факта—рѣзкаго различія между положеніемъ православно-русскаго священника *de jure* и *de facto*.

Опредѣливъ такъ предметъ своего сочиненія, авторъ располагаетъ его по слѣдующему плану:

Гл. 1: отношеніе священниковъ къ податямъ и повинностямъ; гл. 2: имущественновладѣльческіе права и обязанности священниковъ; гл. 3: подсудность священниковъ; гл.

4: права священниковъ на особую гражданскую честь: гл. 5: священническія обязанности отрицательнаго характера, вытекающія какъ вообще изъ привилегированнаго положенія священника, такъ и въ частности изъ правъ на особую гражданскую честь; гл. 6: обязанности и права священниковъ а) по завѣдыванію церковнымъ имуществомъ и б) по веденію церковныхъ документовъ.

Все сочиненіе располагается на 570 страницахъ убористаго письма.

Авторъ вѣрно и справедливо характеризуетъ свой трудъ, называя его „*историко-каноническимъ изслѣдованіемъ*“. Каждая изъ главъ его сочиненія составлена по одному методу — историческому. Каждая глава обыкновенно начинается у него изложеніемъ дѣйствующаго права по данному вопросу, а затѣмъ предлагается весьма обстоятельный очеркъ положенія священниковъ въ Византіи — при чемъ ревностно исчерпываются данныя византійскаго номоканона—въ древней и новой Руси, при чемъ кромѣ памятниковъ права, весьма тщательно изученныхъ авторомъ, имъ принимаются во вниманіе историческія монографіи, освѣщающія гражданскій строй и бытъ сословія древней Руси. Для изображенія гражданскаго положенія священниковъ въ настоящее время авторъ пользуется какъ подлиннымъ законодательствомъ, такъ и фактическимъ матеріаломъ, извлекаемымъ изъ историческихъ журналовъ и повременныхъ епархіальныхъ изданій. Вообще должно сказать, что авторъ съ добросовѣстнымъ усердіемъ собиралъ матеріалъ для своего сочиненія и относился къ изученію поставленныхъ вопросовъ съ искреннимъ и живымъ интересомъ. Такое отношеніе его къ принятой на себя задачѣ сообщаетъ сочиненію его серіозность, основательность и интересъ.

Но этимъ добрымъ свойствамъ сочиненія не соотвѣтствуетъ, къ сожалѣнію, внѣшняя, стилистическая обработка. Рѣчь автора вообще какъ то тяжела, иногда растянута, а иногда не ясна и неточно выражаетъ мысль. Эти послѣдніе недостатки выступаютъ даже въ вышеприведенныхъ рубрикахъ главъ сочиненія; такъ рубрика 1-й главы: „*Отношеніе священниковъ къ податямъ и повинностямъ*“ совершенно не точно обозначаетъ предметъ и содержаніе главы. Здѣсь идетъ рѣчь о разныхъ льготахъ по отбыванію священниками пода-

тей и повинностей въ различныя эпохи исторіи, а со всёмъ не о томъ, какъ относились сами священники къ податямъ и повинностямъ. Рубрика 5-й главы говоритъ о какихъ то „отрицательныхъ обязанностяхъ“. На самомъ же дѣлѣ здѣсь идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ правахъ состоянія, напр., въ способахъ пріобрѣтенія имущества и службы общественной, пользованіе которыми не совмѣстимо съ призваніемъ священника и высотой его духовной службы.

Признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

8) Исправляющаго должность доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Ващенко Григорія* на тему: „Нравственный міропорядокъ“:

„Сочиненіе г. Ващенко состоитъ изъ двухъ частей, предваряемыхъ обстоятельнымъ введеніемъ (стр. 3—39). Первая часть (стр. 39 — 461) озаглавляется: „Факты, свидѣтельствующіе о существованіи нравственного міропорядка“. Она раздѣляется на слѣдующія шесть главъ: 1, „Индивидуальная нравственность. Критерій нравственности“ (стр. 39—133); 2, „Психологическая основа нравственности“ (стр. 133—206); 3, „Нравственная жизнь индивидуума и смыслъ ея“ (стр. 206—285); 4, „Соціальный строй. Семья, государство и церковь“ (стр. 285—363); 5, „Нравственный прогрессъ“ (363—433); 6, „Нравственное зло“ (стр. 434 — 461). Вторая часть (стр. 463—522) даетъ—„Метафизическое рѣшеніе вопроса о нравственномъ міропорядкѣ“. Главы ея: 1, „Механическое міропониманіе“ (стр. 463—485); 2, „Телеологическій міропорядокъ“ (486—522); 3, „Нравственный міропорядокъ и его Виновникъ“ (523—553); 4, „Міръ. Цѣль мірового процесса и средства къ ея достиженію. Вопросъ о злѣ“ (554—570). Къ сочиненію присоединяется 18 приложений,—частію критическихъ, а больше содержащихъ справки о мнѣніяхъ другихъ мыслителей по вопросамъ, затрогиваемымъ г. Ващенкою.

Планъ и составъ изслѣдованія я вполне одобряю. Они опредѣлены авторомъ сравнительно самостоятельно и показываютъ его умѣнье толково распорядиться очень сложнымъ философскимъ матеріаломъ. Основная точка зрѣнія автора и тонъ, въ какомъ онъ ведетъ свое изслѣдованіе и произносить приговоры,—вполнѣ философскіе. Онъ не стремится быть апологетомъ заранѣе даннаго воззрѣнія, а добросовѣ-



стно изслѣдуетъ, съ подкупающей искренностью оставляя иногда подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые для иной, болѣе догматической головы рѣшаются просто и безспорно. Онъ—горячій сторонникъ нравственной свободы индивидуума. Эта точка зрѣнія одинаково предохраняетъ его какъ отъ крайностей и увлеченій аполлогетизма, такъ и отъ всѣхъ видовъ философскаго радикализма въ вопросахъ этики и метафизики. Г. Ващенко обладаетъ большою чуткостью къ состояніямъ и разнымъ проявленіямъ дѣйствительной духовно-нравственной жизни человѣка. Его не подкупаетъ блестящая философская дедукція и солидная научная аргументація, если онѣ игнорируютъ что-либо въ этой жизни, хотя бы, на первый взглядъ, и неважное. Равнымъ образомъ не запугиваетъ его и мнимая авторитетность нѣкоторыхъ традиціонныхъ богословскихъ отвѣтовъ на затрогиваемые имъ вопросы, когда отвѣты эти забываютъ Евангельское изреченіе, — что не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Я, не колеблясь, признаю въ г. Ващнкѣ безспорную способность къ самостоятельному философскому мышленію и психологическому анализу. И большинство отдѣловъ его сочиненія совершенно чужды компилятивнаго характера, а представляютъ результатъ самостоятельныхъ размышленій. Пишетъ онъ языкомъ вполне литературнымъ и правильнымъ, за немногими, впрочемъ, исключеніями (ср. стр. 1, 48, 50, 53, 75, 116 и др.). Таковы формальныя достоинства сочиненія г. Ващенко.

Что касается содержанія его, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ этикѣ авторъ примыкаетъ къ т. н. системамъ нравственнаго долга (Кантъ) и отрицательно относится къ эвдемонизму и футилитаризму. Являясь, затѣмъ, сторонникомъ идеи нравственнаго прогресса, онъ сводитъ послѣдній къ развитію свободной личности. „Личность, говоритъ онъ, только тогда достигаетъ своей свободы, когда она обогащена уже нравственнымъ и умственнымъ содержаніемъ“ (стр. 433). Въ метафизикѣ онъ является сторонникомъ телеологическаго міропониманія, утверждающагося, между прочимъ, „на признаніи духа какъ особой нематеріальной субстанціи“. Нравственный міропорядокъ основой своей имѣетъ теистически понимаемое Божество. Только этотъ міропорядокъ не есть что-либо данное изначала, а лишь постепенно осуществляется

въ исторіи при содѣйствіи и подѣ руководствомъ Божественнаго промысла. „Въ мірѣ есть, говоритъ авторъ, и безобразное; но все-же остается надежда, что благой и всемогущій Виновникъ міра утвердитъ нравственный міропорядокъ и дастъ преобладаніе всему доброму и прекрасному“ (553). Такое отношеніе Бога къ нравственному міропорядку и прогрессу не случайно, а вытекаетъ изъ самыхъ условій существованія міра вообще и ограниченнаго духа въ частности: „абсолютная цѣль не можетъ лежать внѣ самого Виновника нравственнаго міропорядка; развитіе духа ограниченнаго можетъ совершаться только въ Абсолютномъ. Отсюда цѣлью мірового процесса является не отвлеченное благо, а реальное Абсолютное, т. е. Богъ“ (стр. 556 — 557). Такимъ образомъ, „нравственный міропорядокъ, раскрываясь первоначально въ человѣческомъ обществѣ, чрезъ разумную дѣятельность человѣка обнимаетъ собою весь міръ, привлекая къ участию въ служеніи цѣлямъ добра даже неорганическую природу. Въ немъ находитъ для себя свой смыслъ все бытіе и въ гармоніи отдѣльныхъ силъ и стремленій приближается къ Абсолютному“ (563 — 564). По своимъ основнымъ мыслямъ философскія воззрѣнія г. Ващенко съ полнымъ правомъ могутъ претендовать на названіе христіанской философіи.

Указанныя достоинства сочиненія г. Ващенко даютъ мнѣ полную возможность признать автора заслуживающимъ степени кандидата богословія.

Но цѣнность его труда значительно понижается нѣкоторыми его недостатками, изъ которыхъ многіе далеко не были неизбѣжны. Сюда мы относимъ, главнымъ образомъ, неравномѣрность въ обработкѣ частей сочиненія. Конецъ первой части и вся вторая часть (метафизическая) изложены конспективно. Авторъ объясняетъ это недостаткомъ времени; но насколько мы знаемъ, въ этомъ недостаткѣ времени виновать онъ-же самъ. Далѣе, сравнительная скудость историческаго и критическаго матеріала тоже не содѣйствуетъ особенно выгодному впечатлѣнію отъ сочиненія; авторъ читалъ для своей работы сравнительно немного. Не перечисляя другихъ сравнительно второстепенныхъ недостатковъ, я и за указанные считаю нужнымъ понизить нѣсколько балловую оцѣнку сочиненія г. Ващенко“.

9) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соко-

лова о сочиненіи студента *Воронова Николая* на тему: „Русская наука о западныхъ исповѣданіяхъ по вопросу о старокатолицизмѣ. (Ея исторія, направленія въ ней и ея выводы)“:

„Задача автора состояла въ томъ, чтобы изучить, надлежащимъ образомъ освѣтить и привести въ систему все, что создала до послѣдняго времени наша русская наука по вопросу о старокатолицизмѣ. Нужно отдать честь г. Воронову прежде всего за то, что онъ отнесся къ своей работѣ съ замѣчательною добросовѣстностію и трудолюбіемъ. Тщательно изучивъ всѣ существующія *изслѣдованія* о старокатолицизмѣ, просмотрѣвъ всѣ *статьи* духовныхъ журналовъ за тридцать пять послѣднихъ лѣтъ, перечитавъ даже всѣ иностранныя *хроники* и мелкія *извѣстія* въ нихъ, авторъ исчерпалъ весь матеріалъ для своего вопроса и такимъ образомъ приступилъ къ изложенію результатовъ работы полнымъ хозяиномъ предмета.

Кромѣ введенія и заключительныхъ выводовъ, сочиненіе г. Воронова раздѣляется на три части (подраздѣленныхъ на главы), соотвѣтственно тѣмъ періодамъ, какіе, по изслѣдованію автора, переживала наша наука въ своемъ отношеніи къ старокатолическому вопросу, начиная съ Ватиканскаго собора и до послѣднихъ дней.

Свое изслѣдованіе авторъ ведетъ историческимъ путемъ. Онъ параллельно раскрываетъ съ одной стороны исторію происхожденія и развитія старокатолическаго движенія, а съ другой—отношеніе нашей богословской науки къ этому движенію. Наряду съ этимъ у него идутъ и характеристики тѣхъ или другихъ научныхъ изслѣдованій о старокатолицизмѣ, и попытки объяснить ихъ характеръ и направленіе, и критическія по поводу ихъ замѣчанія. Такую постановку дѣла можно признать вполне удачною. Благодаря ей, читатель ясно видитъ, какъ исторія старокатолическаго движенія, самаго въ себѣ, отражалась на содержаніи и характерѣ нашей богословской о немъ науки, какія направленія принимала эта наука, на какихъ вопросахъ сосредоточивалось ея вниманіе и какъ постепенно выяснялся ея предметъ. Въ результатѣ читатель получаетъ очень полную и ясную картину, дающую ему весьма обстоятельное понятіе объ изслѣдуемомъ предметѣ.

Принятое авторомъ раздѣленіе на періоды представляется вполне естественнымъ. Только послѣдняя часть сочиненія съ формальной стороны не совсѣмъ соотвѣтствуетъ своему наименованію. Въ значительной степени она представляетъ собою не столько „общіе выводы“, сколько такое же разсмотрѣніе предмета, которое составляетъ содержаніе и трехъ предшествующихъ частей.

Не малымъ достоинствомъ сочиненія г. Воронова является его живое, искреннее, доходящее даже до нѣкотораго увлеченія, отношеніе къ своему предмету. Такое отношеніе придаетъ его работѣ особенный интересъ и цѣнность, но, къ сожалѣнію, нерѣдко является и недостаткомъ. Авторъ съ горячимъ сочувствіемъ относится къ старокатолическому движенію и ко всѣмъ тѣмъ изслѣдователямъ, которые стоятъ на его сторонѣ; но, съ другой стороны, встрѣчаясь съ антагонистами старокатолицизма, никакъ не можетъ сдерживать въ должныхъ границахъ свое къ нимъ нерасположеніе, которое выражается иногда въ рѣзкихъ и даже совсѣмъ не литературныхъ формахъ.

Это же увлеченіе заставляетъ его въ концѣ работы нѣсколько уклониться отъ прямой задачи своего изслѣдованія и увлекаться проектами преобразованій, польза которыхъ въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу можетъ еще представляться весьма проблематичною.

Желательно было-бы, чтобы авторъ съ большимъ вниманіемъ остановился на изслѣдованіи причинъ враждебнаго отношенія извѣстной части нашей богословской науки къ старокатолицизму. Въ разныхъ мѣстахъ сочиненія на этотъ вопросъ даются нѣкоторыя разъясненія; но, благодаря ихъ разбросанности и не всегда достаточной рельефности, цѣльнаго впечатлѣнія не получается.

Встрѣчаются въ работѣ автора и нѣкоторыя мелкія ошибки, какъ напр. на стр. 10, 22, 214, 216.

Приложенный въ концѣ сочиненія полный библиографическій указатель литературы по разсматриваемому вопросу заслуживаетъ большаго одобренія.

Въ общемъ признаю сочиненіе г. Воронова вполне удовлетворительнымъ для кандидатской степени“.

10) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Воскресенскаго Ивана* на тему: „Первосвящен-

ническая молитва Господа въ связи съ ученіемъ Іоанна Богослова о Логосѣ“:

„Сочиненіе г. Воскресенскаго по содержанію и достоинствамъ рѣзко дѣлится на двѣ половины. Первая состоитъ изъ четырехъ коротенькихъ параграфовъ: а) *краткій очеркъ развитія идеи Логоса до Іоанна въ греческой философіи и іудейско-мъ богословіи*“ (стр. 1—50)—весь параграфъ ограничивается почти только заголовочнымъ перечисленіемъ предметовъ и никакого ближайшаго отношенія къ уясненію евангельской идеи Логоса не имѣетъ,—б) *самосознаніе Христа при свѣтѣ евангельской исторіи и религіозное отношеніе върующихся къ Его личности* (51—68)—претенціозный заголовокъ, при отсутствіи содержанія и ближайшей связи съ темою,—в) *изъясненіе пролога* (69—128), само по себѣ, какъ изъясненіе, поверхностно, а въ логическую связь съ темою не поставлено,—и г) *отъ пролога до первосвященнической молитвы* (129—162)—бѣглое обзоръніе евангелія до 17-й главы, съ указаніемъ слишкомъ искусственной схемы, безъ ясной логической связи съ толкуемою главою и при отсутствіи обзорънія евангелія послѣ 17-й главы. Изъ сказаннаго видно, что эти четыре параграфъа, составляющіе первую половину сочиненія,—однородны по поверхностности своего содержанія и представляютъ какую-то, органически не объединенную ни между собою, ни съ евангеліемъ вообще, ни съ первосвященнической молитвою въ частности, внѣшнюю приставку, коей отсутствіе, въ ея настоящемъ именно видѣ, не имѣло бы значенія для толкованія XVII главы евангелія Іоанна. Совсѣмъ противоположное впечатлѣніе даетъ вторая половина сочиненія, представляющая послѣдовательное толкованіе первосвященнической молитвы Господа (стр. 163—337). Правда, недостатки есть и здѣсь: а) общая невьясненность идеи Логоса ни самой по себѣ, ни въ отношеніи къ евангелію Іоанна вообще и къ первосвященнической молитвѣ—въ частности,—б) злоупотребленіе нѣкоторыми иностранными терминами (проецировать, постулировать), в) ошибки въ цитации (Geinze, Kremer, *ἐλλήθηθεν, ἀνασθίσω*) и г) большія выдержки изъ Кирилла Ал. и Августина на греческомъ и латинскомъ языкахъ безъ перевода на русскій. Но въ общемъ толкованіе первосвященнической молитвы Христа обстоятельно и основательно составлено на основаніи изученія древней

и новой экзегетической литературы, проникнуто сосредоточенностью и единством построения и отличается краткостью и отчетливостью изложения. А особенной похвалы заслуживает общая истолковательная метода автора, представляющая по местам образцы тонкого нравственно-психологического анализа и высокого богословско-созерцательного синтеза. По этим качествам своего сочинения г. Воскресенский вполне достоин степени кандидата богословия“.

11) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Головачева Потапа* на тему: „Буддизмъ въ Россіи“:

„Буддизмъ на Руси въ формѣ ламаизма исповѣдуется калмыками и бурятами. Г. Головачевъ въ своемъ сочиненіи (X+446 + XXII стр.) даетъ изложеніе вѣроученія, организаци и культа русскихъ ламаитовъ. Онъ начинаетъ сочиненіе о русскомъ буддизмѣ съ событій, имѣвшихъ мѣсто за VI в. до Р. X.—съ буддизма первоначальнаго, описываетъ его ученіе и сообщаетъ о немъ краткія историческія свѣдѣнія, отъ буддизма индійскаго переходитъ къ тибетскому, а отъ тибетскаго—къ русскому. Здѣсь изъ сферы религіозной дѣлаетъ значительное отступленіе въ область политическую и подробно излагаетъ исторію вступленія калмыковъ въ русское подданство.

Давши свѣдѣнія о положеніи калмыковъ и бурятъ въ русскомъ государствѣ (всему предшествующему посвящена первая глава), онъ переходитъ къ изложенію ихъ вѣро-и-нравоученія. Въ трехъ главахъ второй части (Богъ и міръ, чело-вѣкъ и міръ, нравственное ученіе ламаизма) онъ довольно подробно излагаетъ метафизику и мораль русскаго ламаизма и отмѣчаетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ (въ ученіи о Творцѣ) отличіе его отъ индійскаго буддизма. Третья и послѣдняя часть сочиненія посвящена имъ ламаитскому культу. Онъ описываетъ жреческій институтъ русскихъ ламаитовъ, причемъ отмѣчаетъ, что особенности его сравнительно съ тибетскимъ въ нѣкоторой мѣрѣ являются слѣдствіемъ особеннаго положенія ламаитовъ въ русскомъ государствѣ и воздѣйствій на него русскаго правительства, подробно описываетъ дацаны и хурулы (монастыри, храмы) бурятъ и калмыковъ, описываетъ ихъ бурхановъ и знакомитъ вообще съ ихъ иконографіею; послѣднія главы сочиненія посвящены

имъ описанію общественнаго культа ламаитовъ (ежедневнаго, праздничнаго, во время постовъ), семейнаго и личнаго, и сочиненіе заканчивается описаніемъ существующихъ формъ погребенія у нашихъ ламаитовъ.

Особенности русскаго буддизма, по мнѣнію г. Головачева, обуславливаются съ одной стороны вліяніемъ на него шаманства, съ другой—вліяніемъ русскаго правительства и христіанской религіи. Шаманство, понятно, могло внести въ буддизмъ только нездоровые элементы; христіанской религіи, по мнѣнію г. Головачева, русскій ламаизмъ обязанъ идеей Творца и вѣрою въ возможность молитвы за другихъ; русское правительство сообщило особенный характеръ организаціи ламаитскаго духовенства. Устанавливая это, г. Головачевъ однако отмѣчаетъ, что въ этой организаціи многое существуетъ не благодаря русскому правительству, а вопреки ему. Въ оцѣнкѣ русскаго ламаизма г. Головачевъ обнаруживаетъ нерѣшительность и неустойчивость. Иногда въ своемъ сочиненіи онъ отказывается опредѣлить, насколько идеи ламаизма дѣйствительно воплощаются въ жизни ламаитовъ, иногда онъ говоритъ о непоколебимости ламаизма, иногда, напротивъ, ламаизмъ въ сознаніи ламаитовъ мірянъ представляется имъ разрѣшающимся въ рядъ суевѣрій, которыя повидимому должны легко пасть и исчезнуть предъ просвѣщеніемъ и ученіемъ Христа.

Г. Головачевъ достаточно поработалъ надъ взятою имъ темою и хорошо ознакомился съ положеніемъ буддизма въ Россіи. Его сочиненіе написано живымъ и легкимъ языкомъ и читается съ интересомъ. Но онъ внесъ мало самостоятельности въ разработку того матеріала, которымъ пользовался при написаніи сочиненія. Иногда онъ безъ нужды вносилъ лишнее въ свое сочиненіе (наприм., объ отношеніяхъ Аюки къ Петру I), иногда всецѣло вѣрлялся своему пособию (см. 92 стр. сочиненія, ср. Энциклопедич. слов. Брокгауза. 27 полутомъ. Калмыц. вѣроч. стр. 73), иногда излагалъ содержаніе пособия, не ставя себѣ вопроса о томъ, какъ согласить излагаемое съ тѣмъ, что сообщается имъ въ другихъ частяхъ сочиненія. Отсюда его сочиненіе вызываетъ рядъ недоумѣній. Такъ, нравственное ученіе ламаизма онъ представляетъ весьма возвышеннымъ, ламъ изображаетъ безсовѣстными эксплуататорами, ламаитовъ — со-

вершено невѣжественными въ исповѣдуемомъ ими ученіи. Спрашивается—къ кому же и какое отношеніе имѣеть мораль ламаизма. О связи этой морали съ культомъ авторъ не говоритъ ничего. Г. Головачевъ говоритъ о кровавыхъ жертвахъ въ культѣ (стр. 400); какъ согласить это съ буддѣйскимъ состраданіемъ всякой твари? На 244 стр. авторъ говоритъ, что музыка и пѣніе суть необходимые элементы ламаитскаго богослуженія; на 261 стр. мы читаемъ у него, что вступающимъ въ составъ ламаитской іерархіи запрещается заниматься музыкой, а на 289 стр., что таковыя лица обучаются религіозной музыкѣ. Какъ все это согласить?

Не мало недоумѣній, не разрѣшаемыхъ авторомъ, вызываетъ отношеніе описываемаго имъ ритуала ламаитовъ къ буддѣйскому. Авторъ говоритъ о поклоненіи Буддѣ, ученію и *духовенству*, но вѣдь въ буддѣйской формулѣ стоитъ не духовенство, а *санга*—община, церковь. Авторъ приводитъ, какъ ламаитскія, и такія притчи, которыя существовали въ древнѣйшемъ буддизмѣ (наприм., о горящемъ домѣ; см. 192 стр., сравни Каруса, Евангел. Будды).

Но за всѣмъ тѣмъ изъ сочиненія г. Головачева читатель узнаетъ много и яснаго и вѣрнаго о русскомъ буддизмѣ. Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе вполне удовлетворительно“.

12) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *архимандрита Діонисія (Марангудаки)* на тему: „Фотій, патріархъ Константинопольскій, какъ пастырь—учитель“:

„Вниманіе ученыхъ давно сосредоточено на изученіе литературной и церковно-общественной дѣятельности великаго греческаго святителя патріарха Фотія. „На основаніи этихъ трудовъ мы уже знаемъ Фотія, какъ богослова - экзегета, какъ канониста-юриста, какъ математика, литератора, критика, философа-діалектика, историка, церковнаго администратора, государственнаго дѣятеля, врача, оратора. Къ сожалѣнію, онъ мало извѣстенъ намъ, какъ церковный ораторъ—проповѣдникъ“ (3 стр.). „Это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, что многія изъ проповѣдей п. Фотія до послѣдняго времени были не изданы, оставаясь въ различныхъ книгохранилищахъ Востока и Запада. Сравнительно недавно великій Логофеть Константинопольской Патріархіи



Ставраки Бей Аристархъ въ журналѣ *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια*“ за 1881, 1882, 1883 гг. началъ печатать ихъ, издавши въ 1901 г. отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ“ (4 стр.). Вотъ въ общемъ побужденія, заставившія взяться за перо досточтимаго о. Архимандрита Діонисія.

Его обширный трудъ въ 528 стр. сжатого письма, посвященный обзору проповѣднической дѣятельности п. Фотія, распадается на слѣдующія части. Въ предисловіи авторъ говоритъ о планѣ, задачѣ, методѣ, раздѣленіи своего труда и т. п. (1—6). Во введеніи излагаетъ біографію п. Фотія. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ не слѣдуетъ только рабски за различными біографами Фотія, а привноситъ и отъ себя нѣкоторыя новыя цѣнныя соображенія, напр., о годѣ рожденія и смерти Фотія. Но особенно цѣнны здѣсь тѣ страницы, на которыхъ онъ занимается критическимъ обзоромъ двухтомнаго изданія бесѣдъ Фотія, сдѣланнаго г. Аристархомъ. Прекрасное знаніе греческаго языка и греческой литературы времени Фотія, внимательное, серьезное отношеніе къ дѣлу дало возможность автору сказать весьма авторитетное, рѣшительное слово въ данномъ случаѣ. До настоящаго времени самыя серьезные выдающіеся ученые всѣхъ странъ и народовъ знали всего лишь до 16 бесѣдъ, несомнѣнно принадлежащихъ п. Фотію, и нѣсколько самыхъ незначительныхъ отрывковъ изъ его бесѣдъ. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: „чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ громадное число бесѣдъ, предлагаемыхъ намъ Аристархомъ? Хотя и уважаемъ его личность и его положеніе въ церкви, мы однако должны обнаружить тайну, говоря горькую, но пріятную правду, ибо, *amicus Plato, sed magis amica veritas.*“ Аристархъ взялся за такое дѣло—подыскать въ сочиненіяхъ Фотія и собрать всѣ краснорѣчивыя мѣста, которыя встрѣчаются въ нихъ, особенно въ письмахъ и Амфилохіяхъ... И дѣйствительно, въ письмахъ и Амфилохіяхъ встрѣчаются такія мѣста, которыя изумляютъ cadaго своимъ краснорѣчіемъ. Воспользовавшись ими, г. Аристархъ собралъ и комбинировалъ, связалъ и соединилъ какъ бы нитью эти отрывки и представилъ намъ ихъ въ видѣ цѣлыхъ бесѣдъ. Въ каждой „*προβιοικησις*“ онъ приводитъ свидѣтельства списковъ, содержащихъ какъ бы эти фразы, потомъ цитируетъ тѣ мѣста сочиненій Фотія, изъ которыхъ онъ заимствуетъ, что ему нужно для состав-

ленія новой бесѣды. Комбинируя такимъ образомъ различные отрывки, онъ легко составляетъ цѣлую бесѣду, которой прилагаетъ соотвѣтствующее заглавіе, напр., бесѣда о зависти или гнѣвѣ, смотря по содержанію. Итакъ, выходитъ, что г. Аристархъ сочиняетъ бесѣды для Фотія, не писанныя имъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, авторъ приводитъ нѣсколько образцовъ такихъ комбинацій (56—58). Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ бесѣдахъ „сразу замѣтна несвязность, отрывочность и искусственность“ (59). По мѣстамъ „фальсификація достигла невѣроятной степени. Не смотря на то, что заимствованные отрывки не относятся къ намѣченному составителемъ дѣлу, онъ суетъ ихъ сюда. Удивительное сочетание вещей, не имѣющихъ никакого отношенія между собою, и удивительное представленіе издателя о словахъ Фотія“ (61). Вотъ почему авторъ совершенно справедливо говоритъ: „мы думаемъ, что нельзя произвольно, по своимъ расчетамъ передѣлывать вещь, имѣющую свою цѣль, свое назначеніе на что-нибудь другое. Иначе, если этотъ произволъ будетъ примѣненъ въ широкихъ размѣрахъ, тогда всѣ письма и Амфилохія Фотія съ неограниченнымъ правомъ можно считать бесѣдами“ (60).

Въ первой главѣ перваго отдѣла авторъ начертываетъ картину жизни паствы времени Фотія, начиная съ двора и придворныхъ круговъ и кончая избами поселянъ. Предъ нами проходятъ картины жизни мірянъ, духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго со всѣми свѣтлыми и темными сторонами. Живыми и яркими чертами рисуются различныя партіи того времени—политическія и церковныя. Предъ нами проходятъ люди, внесившіе великую смуту въ церковную жизнь своими религіозными заблужденіями. Наконецъ, предъ нами—Западъ, употреблявшій въ это время всѣ усилія къ пораженію Востока и уничтоженію здѣсь тѣхъ исконно-древнихъ православныхъ основъ церкви, какими жилъ Востокъ и какія люди православнаго Востока не хотѣли уступать и мѣнять ни за какія внѣшнія блага и выгоды. Вотъ фонъ общей картины, характеръ времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Фотій (71). Условія времени заставляли великаго архипастыря города Константина трудиться, не покладая рукъ. И вотъ предъ нами проходитъ жизнь Фотія, годъ за годомъ, полная поразительныхъ тру-

довъ на благо Церкви. Не было ни одного явленія въ жизни христіанъ Константинопольской церкви, на которое бы онъ не откликнулся съ церковной кафедрѣ. Въ частности онъ борется съ иконоборцами (81—90), Павликіанами (90—111), различными еретиками и идолопоклонниками (111—116), съ Латинянами (116—131), Армянами (131—141), заботится объ обращеніи въ христіанство Болгаръ (141—151), Россовъ (151—170) и т. д.

Во второй части своего труда авторъ занимается разборъ произведеній п. Фотія исключительно съ гомилетической точки зрѣнія. Во введеніи говоритъ о взглядахъ п. Фотія на риторикѣ вообще и излагаетъ его гомилетическую теорію (170—177). Въ первой главѣ дѣлаетъ весьма подробную и обстоятельную характеристику бесѣдъ со стороны ихъ стиля, приводя изъ бесѣдъ прекрасные образцы—сравненій, примѣровъ, антитезъ, гиперболъ и т. д. (180—208). Въ дальнѣйшихъ главахъ (5—8) предлагаетъ анализъ бесѣдъ со стороны исключительно ихъ содержанія—догматическаго, апологетическаго (208—220), нравоучительнаго (220—243), историческаго (243—250), литургическаго, церковно-археологическаго (250—258) и т. д. Въ 8-й главѣ говоритъ о современности проповѣдей Фотія, вліяніи его на слушателей и проповѣдниковъ послѣдующаго времени (258—260). Въ заключеніи предлагается общая характеристика Фотія, какъ па-стыря учителя.

Въ своемъ сочиненіи авторъ всюду обнаруживаетъ широкое знакомство съ литературой своего предмета какъ русской, такъ и иностранной. Не много источниковъ и пособій можно указать, которые пропустилъ авторъ. Особенно же авторъ поражаетъ читателя глубокимъ знаніемъ подлинныхъ твореній Фотія. Будучи грекомъ, онъ такъ блестяще и основательно изучилъ весь матеріалъ, какъ едва ли кому другому пришлось бы изучить его. Вслѣдствіе этого онъ всюду является господиномъ своего дѣла. Стиль автора, конечно, нельзя назвать вполне безукоризненнымъ. Встрѣчаются въ немъ нѣкоторые недочеты. Авторъ, напр., пишетъ: „смертные враги“ (6), „терновый путь“ (68), „верхній Іерусалимъ“ (95), „отеческая Ипостась“ (120) „неподражательный художникъ“ (203) и т. п. Но всѣ эти и подобные имъ недочеты сравнительно незначительны и легко могутъ быть устранены. Въ

общемъ же о. Архимандритъ весьма хорошо владѣеть русской рѣчью. По мѣстамъ онъ пишетъ даже художественно.

Въ обширномъ, солидномъ сочиненіи автора можно отмѣтить немногіе недостатки. Излагая исторію кипучей жизни и дѣятельности Фотія, онъ часто увлекается настолько, что забываетъ свою коренную задачу—характеризовать Фотія, какъ проповѣдника, и приносить въ свой трудъ немало лишняго матеріала. Такъ онъ много говоритъ о борьбѣ различныхъ партій времени Фотія, его противникахъ, крещеніи Болгарь, Россовъ и т. д. Планъ у автора недостаточно всюду выдержанъ. Всѣдствие этого весьма нерѣдко встрѣчаются повторенія и автору по необходимости приходится говорить то, о чемъ онъ уже говорилъ (См. бес. о Росссахъ). Несомнѣнно также автору необходимо болѣе органически слить обѣ части своего труда въ одну. При теперешнемъ же ихъ положеніи онѣ кажутся случайно соединенными одна съ другою. Теперь почти безъ ущерба ихъ можно отдѣлить одну отъ другой. Пасторологическая часть въ сочиненіи по Гомилетикѣ имѣетъ только тогда особенное значеніе, когда она такъ или иначе объясняетъ проповѣдническое служеніе извѣстнаго лица. Въ противномъ случаѣ, она почти совершенно бесполезна. Есть въ сочиненіи о. Архимандрита и не мало болѣе незначительныхъ нестройностей, которыя нельзя оправдать никакой гомилетической теоріей. Онѣ всѣ отмѣчены мною на поляхъ сочиненія самымъ тщательнымъ образомъ. Необходимъ еще болѣе детальный и основательный разборъ всѣхъ бесѣдъ, сочиненныхъ г. Аристархомъ и выданныхъ имъ за бесѣды Фотія (71 сл.). Мало говоритъ авторъ объ окружныхъ посланіяхъ Фотія.

Слѣдуетъ болѣе вниманія удѣлить Амфилохіямъ и письмамъ Фотія, столь богатымъ разнообразнымъ гомилетическимъ матеріаломъ. Въ критическомъ отдѣлѣ совѣтуемъ автору быть болѣе умѣреннымъ и сдержаннымъ, чего по мѣстамъ не достаетъ ему. Такова, напр., его критика г. Аристарха.

За сочиненіе автора признаю заслуживающимъ ученой степени кандидата богословія вполне. Если же бы авторъ предпринялъ трудъ исправить свое сочиненіе согласно моимъ указаніямъ и дать еще русскій переводъ всѣхъ бесѣдъ Фотія въ качествѣ приложения къ своему сочиненію, то его

исправленное и дополненное сочинение могло бы быть весьма неплохой магистерской диссертацией“.

13) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Евладова Петра* на тему: Ученіе Святаго Іоанна Златоуста о таинствахъ“:

„Сочиненіе г. Евладова состоитъ изъ введенія, семи главъ изслѣдованія и заключенія.

Во введеніи онъ дѣлаетъ краткій, но дѣльный обзоръ русскихъ сочиненій по предмету своего изслѣдованія. Въ первой главѣ даны указанія относительно употребленія слова *Μυστήριον* въ сочиненіяхъ Златоуста; во второй главѣ разсмотрѣны изреченія Златоуста о таинствѣ крещенія; въ третьей—о миропомазаніи; въ четвертой—о покаяніи; въ пятой—объ евхаристіи; въ шестой—о бракѣ; въ седьмой—о священствѣ. Въ заключеніи авторъ подвелъ итогъ ученію Златоуста о таинствахъ.

По мнѣнію г. Евладова у Златоуста слово „таинство“ не получило еще позднѣйшаго технического значенія и Златоустъ не даетъ опредѣленія или формулы таинства; но все-таки изображаетъ существо и значеніе cadaго изъ шести таинствъ (о елеосвященіи авторъ не находитъ у Златоуста достаточно яснаго указанія) такъ, какъ ихъ понимаетъ Православная Церковь и въ настоящее время.

Изъ пособій онъ воспользовался при составленіи пятой главы—объ евхаристіи—статьей Кириллова: „Догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи въ твореніяхъ святаго Іоанна Златоуста“, напечатанной въ Христіанскомъ Чтеніи за 1896 г., и при написаніи шестой главы—о бракѣ—сочиненіемъ Григорьевскаго: „Ученіе Святаго Іоанна Златоуста о бракѣ“. При составленіи четвертой главы—о покаяніи—г. Евладовъ принялъ во вниманіе сочиненіе Алмазова: „Тайная исповѣдь въ Православной Восточной Церкви“. Но еще болѣе трудъ автора облегчался тѣмъ, что творенія Златоуста имѣются въ хорошемъ русскомъ переводѣ. Впрочемъ въ болѣе важныхъ мѣстахъ авторъ провѣрялъ, повидимому, русскій переводъ съ подлинникомъ.

Матеріала онъ собралъ значительное количество и подвергъ его надлежащей обработкѣ. Но сочиненіе не свободно отъ новомодныхъ, чисто газетныхъ выраженій въ родѣ слѣдующихъ: „въ дальнѣйшихъ иллюстраціяхъ нѣтъ необходи-

мости“ (62 стр.). Почему бы не сказать: „въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ“?

За трудъ авторъ его степени кандидата достоинъ“.

14) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Ключевскаго о сочиненіи студента *Заозерскаго Александра* на тему: „Постановленія о русскихъ монастыряхъ и монашествѣ, изданныя русской церковной и государственной властью въ XVI и XVII вѣкахъ“:

„Въ трехъ главахъ этого сочиненія рассмотрѣны авторомъ постановленія 1) о монастырскомъ землевладѣніи, 2) о монастырскомъ управленіи и судѣ и 3) о духовно-нравственной жизни монастырей. Важнѣйшіе источники и пособія, относящіеся къ предмету сочиненія, изучены авторомъ довольно полно и очень внимательно. Разнообразный фактический матеріалъ, тщательно собранный, авторъ старался объединить мыслью, не во всѣхъ частяхъ сочиненія достаточно выясненной, что жизнь русскихъ монастырей XVI и XVII в. устроилась въ тѣсной связи съ устроеніемъ Московскаго государства того времени. Много поработавъ надъ собираніемъ матеріала, авторъ не всѣ части его успѣлъ обработать одинаково отчетливо. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ въ третьей главѣ, наиболѣе важной, построенной на мысли, будто „принесенный къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ христіанствомъ и монашествомъ восточный аскетизмъ пришелся по вкусу древнерусскому человѣку и сталъ господствующимъ направленіемъ всей религіозно-нравственной жизни нашихъ предковъ“. Указанный недочетъ въ значительной мѣрѣ искупается тѣмъ, что обзоръ каждой группы постановленій авторъ сопровождаетъ изложеніемъ условій и степени успѣшности ихъ проведенія въ жизнь, что при изученіи исторіи законодательства требуетъ особеннаго вниманія и немалаго труда. Сочиненіе ст. Заозерскаго можетъ быть признано очень хорошимъ“.

15) Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Гаптерева о сочиненіи студента *Зеленина Николая* на тему: „Іоасафъ II-й, патріархъ Московскій и всея Россіи“:

„Авторъ поставилъ своею задачею написать монографію о патріархѣ Іоасафѣ II-мъ. При выполненіи своей задачи онъ встрѣтился съ непредвидѣннымъ имъ затрудненіемъ: послѣ бурнаго, осложненнаго разными обстоятельствами патріар-

шества Никона, ни свѣтское правительство, ни русскіе архіереи не желали болѣе видѣть на московскомъ патріаршемъ престолѣ подобнаго Никону властнаго и энергичнаго чело-вѣка, а желали избрать въ патріархи чело-вѣка мягкаго, уступчиваго, кроткаго. Такимъ мягкимъ, уступчивымъ чело-вѣкомъ, не способнымъ на энергичную дѣятельность и былъ Іоасафъ, почему его и избрали въ патріархи. Кромѣ того, Іоасафъ, во время своего избранія, былъ чело-вѣкъ уже очень старый и болѣзненный. Очевидно, по самому своему характеру, по своей старости и болѣзненности Іоасафъ не могъ играть на патріаршемъ престолѣ какой-либо видной активной роли,—его личность какъ патріарха совершенно безцвѣтна. И нашъ авторъ, не смотря на всѣ свои старанія, дѣйствительно не нашелъ какихъ-либо прямыхъ, а тѣмъ болѣе яркихъ и характерныхъ указаній на личную дѣятельность Іоасафа,—все дѣлалось другими и помимо его, патріархъ только, гдѣ это требовалось, подписывался. Понятно, что автору, при такихъ условіяхъ, трудно было писать монографію объ Іоасафѣ. Къ чести его слѣдуетъ сказать, что онъ постарался по возможности собрать и въ своихъ цѣляхъ использовать тотъ матеріалъ, въ которомъ такъ или иначе встрѣчается имя Іоасафа, для чего ему пришлось не только пересмотрѣть разныя печатныя изслѣдованія и документы, но и рыться въ архивахъ: Троице-Сергіевой Лавры, министерства иностранныхъ дѣлъ (въ Москвѣ), министерства юстиціи (въ Москвѣ), пользоваться рукописями московской синодальной бібліотеки, СПб-ской духовной Академіи.

Авторъ старательно работалъ и его работа вполнѣ доста-точна для полученія степени кандидата богословія“.

16) Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Зеленцова Ивана* на тему: „Самозаконная (автономная) нравственность“:

„Приходится очень сожалѣть о томъ, что г. Зеленцовъ прошолъ къ уясненію поставленной ему темы черезъ рядъ такихъ вопросовъ, которые, хотя и не стоятъ безусловно внѣ ея области, но во всякомъ случаѣ находятся къ ней лишь въ отношеніи косвенномъ.

Судя по темѣ — „самозаконная (автономная) нравствен-ность“—можно было ожидать, что авторъ войдетъ въ разъясненіе двухъ противоположныхъ по своимъ источникамъ и

основаніямъ, типовъ нравственности: автономной и гетерономной (или, точнѣе, теономной),—„самозаконной“ и богоположенной. Но, вмѣсто этого, онъ почти все время выдерживаетъ вниманіе читателя на общихъ вопросахъ теоріи знанія, преимущественно на вопросахъ о причинности и субстанціальности, нисходя иногда до самыхъ первичныхъ элементовъ мысли. Всѣ эти вопросы, правда, находятся въ *нѣкоторой* связи со специальнымъ предметомъ философскаго изслѣдованія автора, такъ какъ въ философіи, по самому ея существу и характеру, „все стоитъ въ связи со всѣмъ“. Но задача осторожнаго и методическаго, опредѣляемаго твердо поставленною цѣлью, изслѣдованія заключается, конечно, не въ томъ, чтобы по всѣмъ и всякимъ поводамъ притягивать философію къ отвѣту по всѣмъ и всякимъ вопросамъ, а въ томъ, чтобы возможно точнѣе отграничить сферу даннаго вопроса и углубить его собственныя основы.

Въ предѣлахъ обсуждаемыхъ авторомъ предметовъ, онъ обнаруживаетъ достаточную освѣдомленность. Мысль у него гибкая и наклонная къ углубленію. Изложеніе, хотя и грѣшитъ мѣстами излишнею искусственностію, которая порою переходитъ даже въ философскую вычурность (чрезвычайное обиліе терминовъ, которые иногда—и нерѣдко—связываются соединительнымъ знакомъ по два и по три вмѣстѣ!), но за то—подкупаетъ строгостію и, такъ сказать, ученою дѣловитостію: видно, что занятіе философскими вопросами для автора не шутка и не междудѣліе.

Въ виду всего этого, мы одобрили бы сочиненіе г. Зеленцова вполнѣ, если бы, къ сожалѣнію, этому не препятствовала отмѣченная выше, роковая для него, односторонность, явившаяся слѣдствіемъ досаднаго уклоненія отъ поставленной въ заголовкѣ сочиненія темы.

Во всякомъ случаѣ, для присужденія автору первой ученой богословской степени сочиненіе совершенно достаточно“.

17) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Знаменскаго Василія* на тему: „Богословское ученіе и естественно-научныя мнѣнія о смерти человѣка, ея происхожденіи и значеніи“:

„Изложивши въ предисловіи планъ своего труда и сказавши во введеніи о назначеніи человѣка, г. Знаменскій раскрываетъ и рѣшаетъ вопросы о существѣ смерти (глава пер-



вая), о происхожденіи смерти (глава вторая) и о значеніи ея (глава третья). Въ четвертой главѣ онъ излагаетъ естественно-научныя мнѣнія о смерти человѣка.

Въ качествѣ пособій при составленіи сочиненія г. Знаменскій пользовался исключительно русскими трудами, напр., сочиненіемъ Темномѣрова: „Богословское ученіе о смерти, загробной жизни и воскресеніи мертвыхъ“, „Словомъ о смерти“ епископа Игнатія, сочиненіями Сабатье въ русскомъ переводѣ: „Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма“ и „Жизнь и смерть“. Кромѣ того онъ дѣлаетъ ссылки на многія экзегетическія и апологетическія сочиненія. При помощи пособій автору удалось изслѣдовать предметъ если не глубоко, то по крайней мѣрѣ разносторонне. Внѣшняя обработка сочиненія не вызываетъ возраженій. Но на 94-й стр. онъ почему-то пишетъ: „образъ имамъ положить ю и образъ имамъ паки пріяти ю“ (Іоанн. 10, 18), вмѣсто *область*.

Г. Знаменскій за свое сочиненіе достоинъ получить степень кандидата“.

18) Исправляющаго должность доцента іеромонаха Іосифа о сочиненіи студента *Кесарійскаго Івана* на тему: „Св. Пророкъ Божій Моисей“:

„Изъ всего, значительнаго въ общемъ—количества трудовъ, затрогивающихъ собою столь важную эпоху Моисея, его служеніе и великое значеніе въ исторіи народа Божія, какъ-то усматривается, что историческій образъ этого Пророка находится въ столь тѣсной связи съ современными ему судьбами народа Божія, что, по отрѣшеніи отъ послѣднихъ, почти не остается ничего для представленія жизненности и возвышенно-духовной красоты собственно личности величайшаго изъ Пророковъ древности.

Впрочемъ, хотя бы и такъ, тема „Св. Пророкъ Божій Моисей“ предполагала полную возможность того, чтобы историческій образъ Моисея, не будучи насильственно изолированъ отъ того, въ чемъ вся его жизненность и красота,—былъ, однако же, самостоятельно представленъ въ самомъ этомъ, какъ нѣчто цѣльное, индивидуально-жизненное и всесторонне-содержательное... Задача, конечно, нелегкая, такъ какъ требовала своего рода „художественнаго“ таланта—того самаго, которымъ создаются обычно вообще истинно-

художественныя жизнеописанія и характеристики научнаго характера.

Авторъ труда на данную тему не совсѣмъ выдержалъ эту задачу, и увлекся нѣсколько въ сторону отъ нея. Отсюда, его сочиненіе не чуждо того общаго недостатка литературы объ эпохѣ Моисея, что мало отгѣняетъ и слабо выдѣляетъ величавый образъ и индивидуальную жизнь собственно Моисея (его личность) изъ общей жизни остального еврейскаго народа, который—между тѣмъ—не только всю жизнь Моисея обратилъ на служеніе себѣ, но и самъ въ свою очередь послужилъ созиданію чрезвычайныхъ достоинствъ и особенностей жизни этой безпримѣрной личности.

Собственно говоря, сочиненіе г. Кесарійскаго болѣе занимается изслѣдованіемъ обстоятельствъ и событій *Исхода*, нежели старается дать, на основѣ относящагося сюда матеріала, возможно полное и точное изображеніе индивидуальной жизни собственно Моисея, въ его различныхъ назначеніяхъ для своего народа и общей міровой исторіи.

Вообще же, какъ изслѣдованіе обстоятельствъ и событій эпохи *Исхода*, въ которой все же личность Моисея остается центральною, сочиненіе г. Кесарійскаго показываетъ достаточно труда, тщательности и обстоятельности. Жизнь Моисея, хотя и теряется за подробностями не столь существеннаго для темы и не въ такомъ духѣ обработаннаго матеріала,—однако, обнимается вся довольно полно и содержательно.—Авторъ заслуживаетъ искомой степени“.

19) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Кудимова Павла* на тему: „Филаретъ, Архіепископъ Черниговскій, какъ проповѣдникъ“:

„Сочиненіе автора распадается на слѣдующія части. Во введеніи авторъ говоритъ о задачѣ, раздѣленіи, источникахъ и пособіяхъ своего труда (1—6). Въ первой главѣ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о преосв. Филаретѣ, излагая ихъ хронологически. Предъ нами проходитъ его дѣтство, школьные годы, годы служенія въ Московскои Академіи, пребываніе на кафедрахъ—Рижскои, Харьковскои, Черниговскои, послѣдніе годы его жизни (6—54). Во второй авторъ излагаетъ гомилетическія воззрѣнія преосвящ. Филарета, обстоятельства образованія и развитія ихъ, какъ о нихъ можно судить по многочисленнымъ его сочиненіямъ, говоритъ о

влияніи на него м. Филарета, отношеніи его къ другому великому проповѣднику того времени, Иннокентію Херсонскому (54 — 106). Въ третьей кратко разсматриваетъ проповѣди преосвящ. со стороны ихъ содержанія, разбивая весь матеріалъ на группы по схемѣ догматическаго и нравственнаго богословія (106—172). Въ четвертой главѣ говоритъ о внѣшней сторонѣ поученій преосвящ. проповѣдника. Здѣсь авторъ довольно подробно изучаетъ ихъ со стороны формы, построенія, стиля, отмѣчаетъ въ нихъ художественныя стороны, говоритъ о сравненіяхъ, примѣрахъ и т. д. (172—227). Въ пятой главѣ пишетъ объ отношеніи проповѣдей Филарета къ запросамъ времени, значеніи ихъ для русскаго проповѣдничества, отзывы о проповѣдничествѣ Филарета различныхъ лицъ, о влияніи его проповѣдей на различные слои русскаго общества тогдашняго времени. Свое сочиненіе авторъ заканчиваетъ общей оцѣнкой проповѣднической дѣятельности преосвящ. Филарета (227—245).

Отъ сочиненія автора можно бы ожидать еще многого. Авторомъ оставлена безъ изученія значительная часть обширной литературы о преосв. Филаретѣ. Слишкомъ близко стоитъ онъ къ нѣкоторымъ источникамъ и пособіямъ, относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякой провѣрки и критики ихъ. Спутанно излагаетъ содержаніе проповѣдей. Нельзя назвать вполне удачнымъ и сдѣланный имъ обзоръ проповѣдей съ внѣшней стороны и т. д. Но принимая во вниманіе, что авторъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ своемъ положеніи, нахожу возможнымъ дать ему за его трудъ искомую имъ степень кандидата богословія“.

20) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *священника Купленскаго Владимира* на тему: „Рационалистическій элементъ въ старообрядческомъ русскомъ расколѣ“.

„Задачу своего обширнаго (XII+760 стр.) сочиненія авторъ намѣчаетъ во введеніи къ нему слѣдующимъ образомъ: „опредѣлить рационализмъ въ расколѣ—говоритъ онъ—значитъ показать, какъ дѣйствовалъ разумъ раскольника въ вопросахъ вѣры; въ какомъ отношеніи стоялъ онъ къ послѣдней; регулировалась ли чѣмъ нибудь его дѣятельность здѣсь, или онъ совершалъ свою работу внѣ всякаго надзора, одиночно, независимо отъ указаній и руководства выс-

шаго авторитета. Религія чловѣка держится не только вѣрою, но и разумомъ. Равновѣсіе вѣры и разума, ихъ гармоническое соотношеніе—условіе полноты и совершенства религіознаго міросозерцанія. Преобладаніе вѣры надъ разумомъ, совершенное поглощеніе ею послѣдняго создаетъ въ религіи то, что называется мистицизмомъ; въ преобладаніи разума надъ вѣрою—религіозный рационализмъ. Говорить о рационализмѣ въ религіи значитъ отмѣчать въ ея историческомъ движеніи такіе моменты, когда слабѣла интенсивность вѣры людей и расширялись права разума. То же самое и въ расколѣ. Отсюда постановка нашего вопроса: прослѣдить въ историческомъ процессѣ формировки раскольническаго религіозно-церковнаго міросозерцанія соотношеніе между вѣрою и разумомъ и обозначить, въ чемъ именно здѣсь сказалось преобладаніе послѣдняго надъ первою“ (стр. IX—XI). Имѣя это въ виду, о. Кушленскій подробно останавливается въ своемъ изслѣдованіи на всѣхъ выдающихся произведеніяхъ раскольнической письменности и фактахъ внутренней жизни раскола, въ которомъ проявилась понимаемая въ вышеуказанномъ смыслѣ „раціоналізація“ раскольнической доктрины. Какъ и слѣдовало ожидать при этомъ, бѣльшая доля вниманія удѣлена безпоповщинской половинѣ раскола, которой изъ четырехъ главъ сочиненія отведено три. Содержаніе каждой главы конспективно указано въ началѣ ея, въ виду чего представляется излишнимъ излагать его въ настоящемъ отзывѣ.—Обращаясь къ оцѣнкѣ сочиненія, нужно прежде всего съ похвалою отмѣтить выдающееся трудолюбіе автора, сдѣлавшаго, повидимому, все, возможное въ его положеніи, для того, чтобы облѣдовать данный предметъ съ надлежащей полнотою. Не ограничиваясь широкимъ знакомствомъ съ печатною литературой источниковъ и пособій, имѣющихся въ академической бібліотекѣ, онъ нашель возможнымъ привлечь къ изслѣдованію нѣкоторые памятники старой и новой раскольнической письменности, которые могъ добыть лишь въ другихъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Весь этотъ обширный матеріалъ, имъ хорошо изученный, цѣлесообразно распредѣленъ и въ общемъ умѣло использованъ соотвѣтственно основной задачѣ работы. Нельзя не согласиться, впрочемъ, что иногда авторъ вдается въ излишне подробное изложеніе раскольническихъ мнѣній,

почти не оставляя мѣста ихъ анализу. Возможно было бы, также, не смотря на обширность изслѣдованія, упрекнуть автора за нѣкоторую неполноту въ планѣ (относительно поповщинской половины раскола) и пожелать нѣкоторыхъ перемѣнъ и перестановокъ въ частностяхъ (напр., обширное примѣчаніе на стр. 303 — 308 было бы умѣстнѣе во второмъ отдѣлѣ I главы). Нельзя признать правильными нѣкоторыхъ сужденій о. Купленскаго (напр., принятаго имъ толкованія изв. словъ протопопа Аввакума: „да живеть просто“, — стр. 265). Есть, наконецъ, и стилистическіе недочеты, впрочемъ—не многочисленныя. Въ цѣломъ, однако, разсматриваемая работа показываетъ въ авторѣ ея изслѣдователя, хорошо подготовленнаго къ работамъ въ избранной имъ отрасли знанія и способнаго къ научному труду. Признаю его вполне достойнымъ кандидатской степени“.

21) Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Линькова Александра* на тему: „Полемико-догматическія творенія Блаженнаго Іеронима“:

„Блаженный Іеронимъ славенъ въ исторіи Церкви Западнѣйшей преимущественно какъ переводчикъ Св. Писанія на латинскій языкъ и превосходный экзегетъ. Но не мало важно и значеніе его въ области христіанскаго ученія. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ Церкви со многими противоцерковными умственными движеніями его времени на Западѣ и, хотя не былъ глубокимъ мыслителемъ-богословомъ, тѣмъ не менѣе, значительное число истинъ христіанской вѣры имѣетъ въ его писаніяхъ обоснованіе и подкрѣпленіе.

Сочиненіе г. Линькова состоитъ изъ введенія, обзора полемико-догматическихъ писаній Іеронима и заключенія. Во введеніи авторъ говоритъ о числѣ полемико-догматическихъ писаній Стридонскаго пресвитера и свободѣ ихъ отъ злонамѣренныхъ искаженій, а затѣмъ, чтобы объяснить ихъ характеръ, указываетъ а) на западное происхожденіе Іеронима (такъ какъ Западъ былъ болѣе склоненъ къ практикѣ, чѣмъ къ метафизикѣ); б) на великую его начитанность въ греческой и особенно римской литературѣ (вслѣдствіе чего онъ съ великою легкостію приводитъ доказательства для своихъ мыслей не только изъ Св. Писанія, но и изъ писателей свѣтскихъ), и в) на живость его духовной натуры

(отъ чего полемика его почти всегда отличается крайнею горячностію).

Порядокъ разсмотрѣнія полемико-догматическихъ писаній Блаж. Иеронима въ сочиненіи хронологическій. Наибольшее вниманіе посвящается особенно важнымъ полемическимъ сочиненіямъ, именно: сочиненіямъ противъ Руфина, противъ Иовиніана, противъ Вигиліянція, противъ Пелагіанъ. Не ограничиваясь однимъ анализомъ содержанія сихъ писаній, авторъ сообщаетъ данныя о времени и мѣстѣ ихъ происхожденія, излагаетъ исторію ученій или учителей, противъ которыхъ они направлены, наконецъ, говоритъ о результатѣ ихъ или дѣйстви на христіанское общество того времени.

Въ заключеніи высказываются общія сужденія о характерѣ и важности полемико-догматическихъ сочиненій вообще.

Изъ сочиненія ясно что г. Линьковъ обстоятельно изучилъ полемико-догматическія творенія Блаж. Иеронима. Ему хорошо знакома и довольно богатая новѣйшая литература по этому предмету. Вслѣдствіе этого, онъ самостоятельно и съ большимъ искусствомъ излагаетъ содержаніе полемическихъ писаній Блаж. Иеронима, представляя въ нихъ наиболѣе существенное, не теряясь въ мелочахъ и подробностяхъ; историческія же и историко-литературныя данныя относительно означенныхъ писаній отличаются правильностію и интересомъ. Правда, не всѣ отдѣлы сочиненія г. Линькова одинаково хорошо обработаны. Наприм. не въ той мѣрѣ, въ какой было бы желательно, дѣятельность и ученіе Вигиліянція, протестанта конца IV и начала V вѣка, поставлены въ связь съ умственными движеніями и настроеніями христіанскаго общества на Западѣ въ IV вѣкѣ. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ похвалы“.

22) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Лучинина Льва* на тему: „Обращеніе въ христіанство Корнилія сотника (толкованіе на Дѣян. X, 1—XI, 18)“:

„Сочиненіе имѣетъ не мало недостатковъ: изложеніе неуклюжее, растянутое и вообще мало обработанное, иногда даже наивное (ср. 28): *осязаемаго* своими глазами,—33: памятники, т. е. монументы, *кладутся*,—229: жизнь Христа, завершившаяся *нечеловѣческими* страданіями,—235: упоминаніе на крещеніе,—нѣсколько разъ „что“ и „который“ въ

одномъ періодѣ и под.),—въ нѣкоторыхъ случаяхъ чувствуется неравномѣрность въ обстоятельности толкованія (особенно въ XI, 1—18), неполнота аргументаціи (напр. при опроверженіи рационалистическихъ объясненій чуда стр. 64), недостатокъ археологическихъ датъ (стр. 181), недоконченность текстуальной критики (напр. не выяснено происхождение общепринятаго чтенія XI, 1—2) и совершенное отсутствіе освѣщенія толкуемаго событія общенсторическимъ очеркомъ первохристіанства. Но есть въ сочиненіи и достоинства: хотя и съ неравномѣрною полнотою изслѣдованія, но авторъ довелъ свою задачу до конца, — тщательно изучилъ весьма обширную, какъ древнюю такъ и новую иностранную (нѣмецкую) литературу предмета,—при постоянныхъ разногласіяхъ ученыхъ экзегетовъ сумѣлъ избрать болѣе вѣрныя взгляды и дѣльно ихъ изложить (особенно о глоссолаліи),—цитаты поставлены весьма тщательно и добросовѣстно. По всѣмъ этимъ достоинствамъ работа г. Лучинина вполне заслуживаетъ ученой степени кандидата богословія“.

23) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Малевица Анатолія* на тему: „Исторія Базиліанскаго ордена въ западно-русской церкви“:

„Обширное сочиненіе студ. Малевица (593 стр. въ польдисть) состоитъ изъ трехъ неравныхъ частей: первая (до 213 включ.) излагаетъ исторію ордена, вторая (до 536) озаглавлена: „исторія базиліанскаго Жидичинскаго аббатства, бывшей православной архимандріи“, третья часть (до 593) представляетъ приложенія, — архивныя данныя, добытыя авторомъ и относящіяся къ обѣимъ частямъ его работы.

Первая часть сочиненія и есть отвѣтъ на вопросъ, предложенный въ качествѣ темы. Не задаваясь цѣлью написать полную исторію Базиліанскаго ордена, чего и нельзя сдѣлать въ срокъ для кандидатской работы, авторъ хочетъ остановиться главнымъ образомъ на внутреннемъ бытѣ ордена и пишетъ въ первой части о его началѣ и первомъ основателѣ — Іосифѣ Рутскомъ, о внутренней организаціи ордена, о его просвѣтительной дѣятельности—о базиліанскихъ школахъ. Такимъ образомъ вмѣсто всесторонней исторіи Базиліанскаго ордена авторъ даетъ нѣсколько отрывочныхъ очерковъ.—Разсуждая о первоначальной организаціи

ордена, авторъ замѣчаетъ, что она „представляла собою своеобразное сочетаніе основнаго строя западно-римскихъ орденовъ съ древними традиціями восточнаго монашества“ (78 стр.). Но такого замѣчанія, разумѣется, недостаточно: отъ автора, пытающагося написать внутреннюю исторію орденскаго быта, трактующаго объ организациі ордена, требовалось изслѣдованіе каждаго элемента, изъ которыхъ организациа эта сложилась: что первоначально вошло въ нее изъ восточнаго монашества и что дали ей западные ордена—итальянскіе Базиліане и іезуиты. А затѣмъ для исторіи внутренняго быта ордена надо было прослѣдить, а не только отмѣтить, процессъ уклоненія униатскаго ордена къ чистому католичеству. Авторъ не сдѣлалъ ни того ни другого вѣроятно потому, что не разобрался критически въ источникахъ—въ разновременныхъ орденскихъ уставахъ и постановленіяхъ, съ чего бы и слѣдовало ему начать всю свою работу. Вообще надо отмѣтить, что авторъ не любитъ *изслѣдовать* явленій, онъ болѣе ихъ *описываетъ*.— Совершенно справедливо, что въ теченіе учебнаго года невозможно было написать полную исторію Базиліанскаго ордена. Но думаемъ, этого времени достаточно для того, чтобы обдумать ея планъ и представить проектъ дальнѣйшей работы. У автора этого нѣтъ (исключая немногихъ, попутно разсѣянныхъ замѣчаній) и мы не знаемъ, какъ онъ представляетъ въ цѣломъ ходъ исторіи Базиліанскаго ордена (внѣшней, внутренней и въ отношеніи къ униі), да и представляетъ ли какъ-нибудь. Отсюда выходитъ, что оглавленіе первой части сочиненія „Исторія Базиліанскаго ордена въ западно-русской церкви“ будетъ не точно. Это, повторяемъ, отрывочные очерки изъ исторіи ордена,—не больше, рядъ подготовительныхъ эскизовъ для его исторіи.—Однако разсмотрѣнная часть сочиненія и по своимъ размѣрамъ, и по количеству положеннаго авторомъ труда, а главное по той массѣ знаній, которую авторъ обнаруживаетъ въ исторіи униі, въ печатныхъ и даже рукописныхъ источникахъ, а также въ ученой литературѣ,—совершенно достаточна для полученія имъ кандидатской степени. Только при выполненіи изложенныхъ выше требованій она была бы ближе къ идеалу научной работы.

Большое недоумѣніе вызываетъ вторая, наиболѣе обшир-



ная часть сочиненія, охватывающая 323 стр. или около 81 писанныхъ листа. Заглавіе ея такое: „Исторія базилианскаго Жидичинскаго аббатства,—бывшей православной архимандріи“. Присутствіе этой части въ своемъ сочиненіи авторъ выясняетъ и оправдываетъ слѣдующимъ образомъ. „Такъ какъ общая исторія Базилианскаго ордена слагается изъ частныхъ исторій каждаго изъ орденскихъ монастырей,—мы попытаемся во второй половинѣ нашего труда дать историческій очеркъ одного изъ выдающихся базилианскихъ аббатствъ—Жидичинской архимандріи. Базилианскій орденъ былъ въ сущности чужезднымъ растеніемъ, питавшимся соками православныхъ обителей, захваченныхъ базилианами. Исторія Жидичинской архимандріи ярко освѣтитъ, какими путями распространялся нашъ орденъ, какими способами захватывалъ онъ православныя обители и дѣлалъ ихъ жертвами ненавистной русскому народу римской уніи. Здѣсь въ калейдоскопѣ исторіи развертывается яркая картина вѣковой борьбы латинства въ лицѣ крайнихъ базилианъ съ традиціоннымъ „древле-восточнымъ православіемъ“ Руси“. Далѣе авторъ выясняетъ, почему исторію именно этой, а не другой обители онъ беретъ для изслѣдованія. Оказывается: „руководящимъ мотивомъ при выборѣ“ именно этого монастыря было то обстоятельство, что онъ игралъ въ Базилианскомъ орденѣ „первенствующую роль“: замѣчательнѣйшіе проты или генералы ордена были жидичинскими архимандритами и не рѣдко жили въ Жидичинѣ. Другое обстоятельство,—что исторія этого монастыря представляетъ интересъ новизны. Опредѣляя объемъ предложенной исторіи Жидичинскаго монастыря авторъ увѣряетъ, будто для его цѣли „всего важнѣе сопоставленіе двухъ періодовъ исторіи“ его—„древле-православнаго и переходнаго къ уніи, олицетворяемой базилианами“. Такъ пишетъ г. Малевичъ въ предисловіи къ сочиненію (13—14 стр.).—На самомъ же дѣлѣ во второй части его сочиненія *нѣтъ ничего*, относящагося къ исторіи базилианъ; вся она написана *не на тему* и, еслибы ея не было, сочиненіе только бы выиграло. Авторъ ведетъ исторію Жидичина отъ древнѣйшаго времени, отъ начала здѣсь христіанства, при чемъ, кстати сказать, не обнаруживаетъ достаточно критичности и осторожности въ пользованіи извѣстіями; много говоритъ авторъ о православномъ до-униат-

скомъ періодѣ; еще подробнѣе излагаетъ переходный періодъ къ уніи, когда защитники православія Болобаны умѣло отражали попытки уніатовъ овладѣть Жидичинскимъ монастыремъ. И все это излагаетъ онъ на основаніи доступныхъ ему данныхъ жидичинскаго архива. Но тамъ, гдѣ должна бы начинаться исторія *базилианскаго* Жидичинскаго аббатства, ставитъ точку, обрывая свое изслѣдованіе смертью короля Сигизмунда III (1632 г.). Во всей второй части (кромѣ заглавія) нѣтъ даже случайнаго упоминанія о базилианахъ. Что же выясняетъ она для темы г. Малевича? Ровно ничего, если не отождествлять базилианъ съ уніатами. Для исторіи уніи она имѣетъ значеніе, иллюстрируя на частномъ примѣрѣ общій и общеизвѣстный фактъ насильственнаго распространенія ея, но для исторіи собственно базилианъ—никакого. Жидичинское аббатство играло въ ряду базилианскихъ монастырей первенствующую роль, говорилъ въ предисловіи г. Малевичъ. Но изъ очерка совершенно не видать никакой его роли. Помѣстивъ въ своемъ сочиненіи изъ исторіи монастыря все, что не относится къ темѣ, г. Малевичъ не написалъ того, что прямо къ ней идетъ. И напрасно онъ увѣряетъ, что для него всего важнѣе сопоставленіе двухъ періодовъ (православнаго и переходнаго) въ исторіи монастыря, тѣмъ болѣе, что въ его очеркѣ и не сдѣлано такого сопоставленія. Такимъ образомъ возникаетъ недоумѣніе относительно руководящаго авторомъ мотива при выборѣ исторіи именно этого монастыря. Разъясняется оно такъ. Въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1890—1900 г.г. г. Малевичъ напечаталъ „Исторію бывшей православной Жидичинской архимандріи“, а теперь ею воспользовался, переписавъ съ печатнаго. Если не ошибаемся, переписалъ очеркъ безъ всякихъ перемѣнъ. Въ началѣ его (218), дѣля исторію Жидичинскаго монастыря на два періода, г. Малевичъ говоритъ: „и новый уніатскій (періодъ) съ половины XVII в. до половины *текущаго* столѣтія“... Ясно, что авторъ даже не прочиталъ внимательно своего очерка послѣ переписки его чужой рукой; все осталось такъ, какъ было написано въ концѣ *прошедшаго* столѣтія. Книги, вышедшія послѣ 1899—1900 г.г. новыми изданіями, цитируются по прежнимъ. Какъ видно изъ печатнаго заглавія, авторъ раньше хорошо понималъ, что пишетъ исторію *православнаго*

монастыря, а теперь, присоединивъ къ этому заглавію нужный терминъ, сдаетъ ее за исторію „базиліанскаго аббатства“. Итакъ представляется на выборъ одно изъ двухъ: или г. Малевичъ не понималъ того, что пишетъ не на тему, и это будетъ свидѣтельствовать объ отсутствіи элементарныхъ научныхъ приѣмовъ въ его работѣ; или же понималъ это и помѣстилъ свой не относящійся къ темѣ очеркъ только для того, чтобы произвести впечатлѣніе на читающаго массой писаной бумаги, — и это обстоятельство не можетъ говорить о добросовѣстности „руководящаго“ имъ „мотива“.

Третья часть сочиненія (вчастности архивныя данныя для исторіи Базиліанскаго ордена) имѣетъ свою научную цѣнность и показываетъ въ авторѣ знатока и любителя своей мѣстной исторіи. И эта часть сочиненія, свидѣтельствующая о его любознательности и настойчивомъ трудолюбіи въ значительной степени искупаютъ выше указанные недостатки“.

24) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Муравьева Василія* на тему: „Ассиро-вавилонская религія въ ея отношеніи къ религіи Богооткровенной“:

„Въ исторіи отношеній отрицательной критики къ Библии нравственно поучительны тѣ ухищренія раціоналистической мысли, которыя употребляетъ она, чтобы отвергнуть за Библиею значеніе Божественнаго Откровенія. Въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣковъ содержаніе Библии пытались трактовать, какъ фантастическую міеологію. Открытія второй половины вѣка доказали историческій характеръ этого содержанія. Тогда невѣріе мѣняетъ фронтъ и вмѣсто того, чтобы говорить, что евреи *выдумали* содержаніе Библии, оно говоритъ, что евреи *почерпнули* ея содержаніе изъ ассиро-вавилонскихъ источниковъ. Г. Муравьевъ въ своемъ сочиненіи долженъ былъ считаться съ этой современной точкой зрѣнія, онъ долженъ былъ обсудить проблему о генетической связи ассиро-вавилонской и Богооткровенной религіи.“

Онъ отнесся внимательно и добросовѣстно къ предложенной ему задачѣ. По новѣйшимъ пособіямъ (англійскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, русскимъ) онъ обозрѣлъ важнѣйшіе родственные пункты религіи Вавилона и закона Моисеева и высказалъ рядъ догадокъ о томъ, какъ должно смотрѣть на это родство. Свое сочиненіе (333 страницы большого формата) онъ начинаетъ (I гл.) разсужденіемъ объ

этнографическомъ родствѣ и исторической связи евреевъ и народовъ Месопотаміи, далѣе (II гл.) даетъ историческій очеркъ ассиро-вавилонской религіи, причемъ довольно подробно трактуетъ о культѣ этой религіи; затѣмъ (III гл.) дѣлаетъ попытку прослѣдить судьбы Богооткровенной религіи отъ Авраама до плѣна вавилонскаго. При этомъ онъ постоянно сопоставляетъ сходное или считающееся сходнымъ въ еврейской религіи съ религіею ассиро-вавилонской. Эти три главы въ его сочиненіи являются наиболѣе обработанными и разработанными. За ними слѣдуютъ еще три главы: IV и V трактуютъ о еврейскихъ и вавилонскихъ сказаніяхъ о твореніи, первоисторіи и потопѣ и воззрѣніяхъ этихъ религіи на посмертную участь человѣка. Все это излагается обще и конспективно. Послѣдняя (VI) глава, которая по плану должна была говорить о взаимоотношеніяхъ Богооткровенной и ассиро-вавилонской религіи со времени и послѣ вавилонскаго плѣна, не представляетъ собою даже конспекта, скорѣе она выражаетъ *ria desideria* автора относительно того, какъ и что должно изслѣдовать.

Хотя авторъ говоритъ о древнѣйшей изъ историческихъ религіи, отъ его сочиненія вѣетъ духомъ самой живой современности, онъ обсуждаетъ кодексъ Гаммураби—только что дешифрованный, говоритъ о нашумѣвшей *Bibel und Babel* Делича и цитируемыя имъ пособія часто датируются 1902 и даже 1903 годами. Онъ работалъ преимущественно по работамъ ученыхъ XX столѣтія. Онъ представилъ довольно ясно положеніе вопроса въ настоящее время и, не смотря на то, что большая часть его руководителей съ глубокимъ научнымъ талантомъ и обширными познаніями соединяютъ отрицательное отношеніе къ Библии, онъ, цѣня въ нихъ первое, сумѣлъ не послѣдовать за ними въ послѣднемъ: принимая результаты ихъ научныхъ изысканій, пользуясь ими для комментирования библейскаго текста, онъ вездѣ стремится доказать, что изъ этихъ научныхъ данныхъ вовсе не слѣдуютъ дѣлаемые этими учеными антирелигіозные выводы.

За всѣмъ тѣмъ его апологетика—слабый пунктъ его сочиненія. Еслибы онъ ознакомился ближе съ работами ориенталистовъ, признающихъ Богодуховенность Библии, онъ могъ бы извлечь изъ нихъ болѣе солидные апологетическіе

доводы противъ рационалистическихъ теорій. Позвоительно думать, и самъ онъ сказалъ бы болѣе и сильнѣе противъ этихъ теорій, еслибы болѣе занялся самостоятельнымъ ихъ обсужденіемъ, но онъ сосредоточилъ свои силы на изученіи матеріала вопроса и далъ главнымъ образомъ изложеніе этого матеріала, а не его обсужденіе.

Нельзя сказать, чтобы планъ автора отличался стройностію: исторія у него прерывается обзорѣніемъ родственныхъ сказаній евреевъ и вавилонянъ и затѣмъ продолжается опять. Обзорѣніе сказаній является такимъ образомъ искусственно вдвинутымъ въ сочиненіе клиномъ.

Не мало у автора отдѣльныхъ рискованныхъ, а порою невѣрныхъ утвержденій.

Такъ, на стр. 6-й онъ пишетъ: въ шестствіи гиксовъ справедливо видятъ подтвержденіе библейскаго повѣствованія о израильскомъ переселеніи въ Египеть. Кто видитъ и почему *справедливо*? Какимъ образомъ темная исторія можетъ подтверждать ясную? Самое большее, что можно сказать объ исторіи гиксовъ и послѣдней части книги Бытія и началъ Исхода, что онѣ взаимно дополняютъ одна другую.

На стр. 61—62 авторъ характеризуетъ вавилонскую религію, какъ пантеизмъ. Этотъ философскій терминъ въ приложеніи къ языческимъ религіямъ не только ничего не выясняетъ, но сообщаетъ неправильное представленіе объ этихъ религіяхъ.

На стр. 101 авторъ, желая пояснить вавилонское дѣленіе звѣздъ на всегда находящіяся надъ горизонтомъ и иногда скрывающіяся за нимъ, приводитъ въ примѣръ послѣднихъ Венеру. Примѣръ неудаченъ, потому что Венера—не звѣзда.

На стр. 173 авторъ отмѣчая, что въ имени Лавана видятъ одно изъ названій луны, дѣлаетъ примѣчаніе, что въ Библии такого названія для луны нѣтъ. На самомъ дѣлѣ наименованіе луны לַבַּיִתъ встрѣчается у пр. Исаіи XXIV, 23 и XXX, 26.

На стр. 160—161 авторъ тщетно старается доказать, что ципуратъ первоначально не были храмами.

На стр. 245 онъ дѣлаетъ странное утвержденіе, что за сходствомъ религіозныхъ обрядовъ и вѣрованій у различныхъ народовъ нельзя признавать никакого *опредѣленнаго* значенія. Что это сходство загадочно, это—вѣрно, но что оно не имѣетъ никакого *опредѣленнаго*(?) значенія, это—совершенно

неправильно. Это сходство—важный фактъ, нуждающийся въ объясненіи.

Для полученія степени кандидата сочиненіе г. Муравьева выполнѣ удовлетворительно.“

25) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Неклюкова Петра* на тему: „Налоги и повинности бѣлаго духовенства въ XVIII в.“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ предисловія (1—12) и четырехъ главъ.

Въ предисловіи авторъ въ самыхъ общихъ чертахъ представляетъ главные моменты сословнаго положенія, пережитые бѣлымъ духовенствомъ съ начала утвержденія христіанства и по XVIII вѣкъ. Особливую черту въ этомъ положеніи составляетъ то, что русское духовенство всегда было свободно отъ личныхъ государственныхъ податей и повинностей, но всегда несло *тягло*, или повинности съ земель и угодій, которыми пользовалось, примыкая въ этомъ отношеніи къ тяглымъ сословіямъ. Но этого мало. Будучи лично свободнымъ въ качествѣ государственнаго сословія, оно было тяглымъ въ отношеніи своей духовной администраціи, въ вѣдѣніе которой уходило въ качествѣ служащаго и подначальнаго класса. Петръ Великій, реформируя Русь, не улучшилъ экономическаго положенія духовенства. Напротивъ при немъ прежніе налоги и повинности бѣлаго духовенства не только не были отмѣнены, но еще усилены. Въ послѣдующія царствованія до Екатерины II-й эти налоги то уменьшались, то увеличивались. Только Екатерина II-я существенно измѣнила бытъ бѣлаго духовенства, отмѣнивъ всякіе налоги и государственные и церковные.

Отправляясь отъ этихъ положеній, авторъ располагаетъ свое изображеніе быта духовенства, какъ тяглаго сословія, по слѣдующимъ главамъ:

Гл. 1-я подробно перечисляетъ государственные налоги и повинности бѣлаго духовенства; Гл. 2-я—налоги и повинности церковные; Гл. 3-я представляетъ попытку опредѣлить тяжесть налоговъ и повинностей на основаніи ихъ количества съ одной стороны и величины доходовъ—съ другой; Гл. 4-я излагаетъ исторію отмѣненія налоговъ и повинностей бѣлаго духовенства при Екатеринѣ II-й.

Въ концѣ сочиненія прилагается списокъ источниковъ и пособій, на основаніи которыхъ составлено сочиненіе.

Этотъ списокъ показываетъ, что авторъ вполне ознакомился съ существующею по данному вопросу литературою и представилъ дов. стройный и сжатый очеркъ бытоваго положенія бѣлаго духовенства за XVIII вѣкъ. Вся работа его и состояла въ томъ, чтобы представить въ сжатомъ видѣ результаты изученной имъ литературы по данному вопросу. И надобно признать, что онъ успѣшно исполнилъ эту задачу. Въ логическомъ отношеніи его сочиненіе безукоризненно. Но авторъ слишкомъ кратокъ и сжатъ: его сочиненіе представляетъ собою какъ бы краткій учебникъ, содержащій отвлеченныя положенія безъ подробныхъ объясненій и иллюстраціи ихъ фактическими данными. Изложеніе за немногими исключеніями удовлетворительно.

Признаю автора заслуживающимъ кандидатской степени“

26) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента священника *Никитина Тихона* на тему: „Бесѣды св. Астерія Амасійскаго“:

„Авторъ посвятилъ свой учебный годъ на изученіе проповѣднической дѣятельности одного изъ выдающихся проповѣдниковъ золотого вѣка христіанской литературы. Имя св. Астерія учеными гомилетами ставится на ряду съ именами великихъ христіанскихъ писателей. Оно ставится даже на ряду съ именемъ св. Іоанна Златоуста не столько потому, что св. Астерій жилъ въ одно время съ св. Златоустымъ учителемъ, сколько потому, что творенія обоихъ названныхъ писателей сходны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, отличаясь глубиной, живостью, силой раскрытія христіанскихъ истинъ. Авторъ не бесплодно трудился цѣлый годъ. По интересовавшему его вопросу онъ представилъ обширное сочиненіе (580 стр.). Вотъ содержаніе этого сочиненія въ общихъ чертахъ.

Начавъ свое сочиненіе краткимъ предисловіемъ (1—8 стр.), въ первой главѣ онъ занимается обзоромъ иностранной и русской литературы о св. Астеріи Амасійскомъ, дѣлаетъ обзоръ различныхъ изданій его твореній, сравнительную оцѣнку ихъ, говоритъ о славянскихъ переводахъ, необходимости новой редакціи нѣкоторыхъ частей твореній св. Астерія. Обзоръ какъ изданій твореній св. Астерія, такъ и всевозможныхъ источниковъ и пособій авторомъ сдѣланъ весьма

обстоятельно (1—40). Во второй главѣ сообщаетъ биографическія свѣдѣнія о св. Астеріи Амасійскомъ по слѣдующимъ рубрикамъ: происхожденіе, время рожденія, воспитаніе, образованіе, переходъ изъ адвокатуры въ церковный клиръ, служеніе Церкви въ санѣ Епископа, дѣятельность его въ Амасіи и т. д. Говоритъ о пасторологическихъ, догматическихъ и моральныхъ воззрѣніяхъ св. Астерія, рисуетъ живыми чертами состояніе Амасійской паствы въ вѣкъ Астерія (40—87). Третью главу посвящаетъ раскрытію вопроса о числѣ бесѣдъ св. Астерія. Здѣсь автору пришлось встрѣтиться съ сложнымъ и запутаннымъ вопросомъ о подлинности нѣкоторыхъ бесѣдъ св. Астерія. Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ различные ученые приписываютъ не только двумъ другимъ Астеріямъ—Аріанину и Скиѳопольскому, — соименникамъ св. Астерія, но и многимъ другимъ церковнымъ писателямъ православнаго и неправославнаго образа мыслей. Авторъ сдѣлалъ все, что можно сдѣлать въ этомъ трудномъ вопросѣ, основываясь на тщательномъ изученіи русскихъ и иностранныхъ источниковъ и пособій (Cotelier, Ceillier, Dupin, Tillemont, Oudin, Cave, Migne, Bardenhever, Combetis, Biblioth. Phot., Baronius, Papiel и др.) и тщательномъ изученіи съ внѣшней и внутренней стороны тѣхъ гомилій, принадлежность которыхъ св. Астерію оспаривается различными учеными (87—137). Въ четвертой главѣ авторъ занимается изученіемъ бесѣдъ св. Астерія со стороны ихъ содержанія. Характеризуя проповѣдника, авторъ говоритъ, что онъ преимущественно проповѣдникъ-моралистъ, а не догматистъ и еще менѣе мистикъ. Въ разсматриваемомъ отдѣлѣ сочиненія автора можно встрѣтить цѣлый рядъ блестящихъ страницъ, на которыхъ умѣлою рукою собраны въ одно стройное цѣлое чудныя выдержки изъ бесѣдъ св. Астерія, христіанская мысль котораго затрагивала почти всѣ злободневные вопросы того времени. Эти страницы весьма живо воспроизводятъ предъ нами свѣтлый образъ христіанскаго проповѣдника, умѣвшаго своимъ словомъ владѣть сердцами христіанъ (138—210). Въ пятой и шестой главахъ ведетъ рѣчь о внѣшней сторонѣ бесѣдъ св. Астерія: формѣ, раздѣленіи, стилѣ и проч. Въ этомъ отдѣлѣ особенно любопытны и цѣнны тѣ страницы, на которыхъ онъ говоритъ о вліяніи на христіанскихъ писателей языческихъ писателей и господствовавшихъ



въ то время различныхъ литературныхъ формъ. Для выясненія этого весьма интереснаго вопроса онъ кратко излагаетъ античную риторикѣ съ ея извѣстными формами, дѣленіями и подраздѣленіями, изучая ее по произведеніямъ софиста Аетонія (*προοιμίματα*), Менандра (*περὶ ἐπιδεικτῶν*), Діонисія Галикарнасскаго (*τέχνη ῥητορικὴ*), Аристиды (*τέχνη ῥητορικὴ*) и др. По Менандру, надгробныя слова раздѣлялись на четыре класса: 1) *τὸ καθαρὸν ἐγκώμιον*, 2) *ὁ ἐπιτάμιος λόγος*, 3) *ἡ μονωδία*, 4) *ὁ παραμυθητικὸς λόγος*. Схему энкоміи можно выразить такъ: I) *τὸ προοίμιον*, II) *τὰ κεφάλαια ἐγκωμιαστικά*: 1) *ἡ πατρὶς*, 2) *τὸ γένος*, 3) *ἡ γέγενεσις*, 4) *ἡ φύσις*, 5) *ἡ ἀνατροφή*, 6) *ἡ παιδεία*, 7) *τὰ ἐπιτηδεύματα*, 8) *αἱ πράξεις*, 9) *τὰ τῆς τύχης*, 10) *ἡ τελειοτάτη σύγκροσις*. III) *Ἐπίλογος*. Слово имѣло слѣдующія части: 1) *προοίμιον*—proemium, вступленіе, 2) *δυσήγησις*—narratio, изложеніе, 3) *πίστις* или *κατασκευή*—probatio, изслѣдованіе, 4) *λύσις* или *ἀνασκευή*—refutatio, опроверженіе, 5) *ἐπίλογος*—peroratio, заключеніе (232). Св. Астерій стоялъ въ большой зависимости отъ древнихъ классическихъ языческихъ литературныхъ формъ, что авторъ доказываетъ подробно разбирая нѣкоторыя изъ его бесѣдъ, наприм., *Encomium in SS. Petrum et Paulum* и др. Тогда не считалось признакомъ худого литературнаго тона то обстоятельство, что церковные писатели заимствовали не только форму у языческихъ писателей, но иногда даже и содержаніе. Писатели тогда свободно заимствовали у своихъ учителей языческихъ все, что можно было у нихъ заимствовать (ср. Volkmann, Bauer, Spengel и др.). II св. Астерій не слѣдовалъ рабски за своими учителями. Онъ всегда оставлялъ ихъ тамъ, гдѣ нужно было ихъ оставить. Такъ, напр., въ похвальномъ словѣ свв. Ап. Петру и Павлу онъ совершенно опускаетъ три первыя *κεφάλαια ἐγκωμιαστικά* (210 — 270). Въ седьмой главѣ авторъ характеризуетъ св. Астерія, какъ психолога—художника, глубокаго знатока души человѣческой, наблюдательнаго изслѣдователя всего окружающаго. Въ качествѣ доказательствъ своей мысли онъ приводитъ прекрасныя выдержки изъ тѣхъ бесѣдъ св. Астерія, въ которыхъ онъ говоритъ о различныхъ страстяхъ и порокахъ, различныхъ характерахъ человѣческихъ. Особенно замѣчательны въ данномъ случаѣ характеристики, по Астерію, корыстолюбца, сластолюбца и т. д. (274 — 316). Въ восьмой характеризуетъ св. Астерія, какъ экзегета, раскрывая его

взглядъ на св. Писаніе, св. Преданіе, богодухновенность, типологию и т. д. По своимъ основнымъ чертамъ Астерій принадлежалъ къ направленію Антиохійской школы и можетъ быть въ этомъ смыслѣ вполне названъ антиохійцемъ (316—344). Въ девятой и послѣдней главѣ раскрываетъ отношеніе къ св. Астерію вселенской Церкви (344—372). Въ приложеніи къ своему сочиненію предлагаетъ переводъ до сихъ поръ еще не переведенныхъ бесѣдъ и различныхъ отрывковъ св. Астерія: слово на Даниила и Сусанну (375—394), на 5-й псаломъ слово первое (395 — 416), второе (417 — 438), третье (438—453), четвертое (453—466), пятое (467—481), гомилія на 6-й псаломъ (482—510), на 7-й псаломъ (511—547), и отрывки: шель человѣкъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ (547—554), два человѣка вошли въ храмъ помолиться (555—558), о Закхее (559—562), о двухъ сыновьяхъ, о которыхъ рассказываетъ Лука (563 — 571), о рабѣ сотника, котораго исцѣлилъ Господь (571—573), объ Іаирѣ и кровоточивой женщинѣ (574—580).

Таково содержаніе сочиненія о. Тихона. При изученіи св. Астерія, какъ пастыря—учителя, авторомъ не забыто въ существенныхъ и главныхъ чертахъ ничто. Поэтому при разборѣ его сочиненія можно говорить только о его недомолвкахъ и недостаточной выясненности по мѣстамъ его методологическихъ приемовъ. Такъ прежде всего бросается въ глаза читателю неполнота изслѣдованія авторомъ проповѣдей св. Астерія со стороны ихъ содержанія. Посвящая нѣсколько главъ изученію проповѣдей съ внѣшней стороны, онъ едва только удѣляетъ одну главу изученію ихъ съ внутренней стороны и притомъ не всю цѣликомъ. А между тѣмъ анализъ содержанія проповѣдей представлялъ бы собою болѣе цѣнную работу, чѣмъ дробный анализъ проповѣдей съ внѣшней стороны. Бросается въ глаза неполнота изученія текста проповѣдей въ различныхъ изданіяхъ ихъ. Особенно прискорбно то, что авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на изученіе славянскихъ и греческихъ рукописей, находящихся въ Россіи. Если бы авторъ занялся изученіемъ ихъ, то они дали бы ему возможность не только болѣе смѣло рѣшать нѣкоторыя недоумѣнія относительно подлинности бесѣдъ св. Астерія, но и сказать еще совершенно новое слово. Въ послѣдней главѣ своего труда автору слѣдовало бы болѣе говорить о литературной памяти, какую имѣла о св. Астеріи Церковь, чѣмъ о молит-

венной. Вслѣдствіе умолчанія автора объ этомъ, мы почти ничего не знаемъ, какое вліяніе оказали или какъ отразились его творенія въ твореніяхъ писателей христіанскихъ послѣдующаго времени. Переводъ автора отличается по мѣстамъ грубымъ буквализмомъ, или слишкомъ большою отдаленностью отъ текста, пропусками, неточностью, приближеніемъ по мѣстамъ болѣе къ латинскому переводу, чѣмъ греческому оригиналу. Необходимо сдѣлать и существенныя поправки въ самомъ планѣ, какъ это отмѣчено мною всюду на поляхъ сочиненія автора.

Не смотря на указанные недостатки, изъ которыхъ многіе нужно считать почти неизбѣжными при такой обширности и новизнѣ работы, какъ работа о. Тихона, признаю автора за представленное имъ сочиненіе вполне заслуживающимъ ученой степени кандидата богословія. Мало того, если бы авторъ исправилъ въ своемъ сочиненіи всѣ указанные мною недостатки, оно было бы весьма не лишнимъ въ нашей бѣдной патристической и гомилетической литературѣ“.

27) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Орлова Дмитрія* на тему: „Свѣтская власть папы и вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ при Піѣ IX“:

„Послѣ общаго взгляда на характеръ и значеніе папствованія Пія IX-го, сочиненіе г. Орлова, раздѣленное на восемь главъ, распадается по своему содержанію на двѣ части, изъ которыхъ первая (двѣ главы) занимается изслѣдованіемъ вопроса о свѣтской власти папы, т. е. о папѣ, какъ государѣ церковной области, а вторая — общаго вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Въ первой части авторъ излагаетъ сущность теоріи свѣтской власти папы и ея значеніе въ общей системѣ папства, какъ это раскрывается въ грамотахъ самого Пія IX и въ изслѣдованіяхъ ультрамонтанскихъ мыслителей; представляетъ тѣ догматическія и историческія основанія, которыя приводятся въ защиту этой теоріи, и присоединяетъ къ нимъ свои критическія замѣчанія. Здѣсь же авторъ кратко касается исторіи уничтоженія свѣтской власти папы, характеризуетъ отношеніе Пія IX-го къ этому печальному для папства событію и, наконецъ, даетъ очеркъ исторіи папскаго государства при Піѣ IX, закончившейся уничтоженіемъ его самостоятельности и

присоединеніемъ къ объединенному Итальянскому королевству. Эта исторія церковнаго государства, по автору, обнаруживаетъ всю практическую несовмѣстимость духовной власти папы съ свѣтской. Вторая, бѣльшая, половина изслѣдованія г. Орлова посвящена исторіи отношеній церкви къ государству при Піѣ IX и начинается характеристикой личнаго отношенія этого папы къ данному вопросу и выясненіемъ тѣхъ средствъ, какія были въ его распоряженіи для посильнаго осуществленія его идеаловъ. Самую исторію отношеній церкви къ государству при Піѣ IX г. Орловъ дѣлитъ на три періода: первый—это періодъ конкордатовъ, т. е. болѣе или менѣе дружественныхъ отношеній между церковію и государствомъ; второй представляетъ эпоху силлабуса и становится враждебнымъ; а третій, начавшійся со времени Ватиканскаго собора, выражается уже въ открытой борьбѣ церкви съ государствомъ, наиболѣе типичнымъ обнаруженіемъ которой является такъ называемая „культурная борьба“, изложеніе и характеристика которой и составляетъ содержаніе послѣдней главы разсматриваемаго сочиненія.

Работа г. Орлова основана на добросовѣстномъ изученіи всего доступнаго ему матеріала, при чемъ первоисточникомъ служили ему довольно многочисленныя буллы и энциклики Пія IX, а въ качествѣ пособій — сочиненія нѣмецкихъ изслѣдователей: Гана, Рютгеса, Дѳллингера, Вебера, Геффкена, Броша, Фрошаммера, Фромманна, Губера, Шульте и др., а на русскомъ языкѣ изслѣдованія Иванцова-Платонова, Сеньбоса и статьи и замѣтки въ различныхъ духовныхъ журналахъ. Въ достаточномъ количествѣ собранный матеріалъ авторъ расположилъ по вполне удовлетворительному плану, далъ ему надлежащее освѣщеніе и изложилъ живымъ, литературнымъ языкомъ, а потому его изслѣдованіе даетъ читателю ясное и обстоятельное изложеніе поставленнаго вопроса и читается съ удовольствіемъ.

Въ качествѣ частныхъ, иногда выступающихъ на видъ, недостатковъ изслѣдованія можно указать:

а) слабость аргументаціи, какъ напр. при разборѣ основаній, приводимыхъ въ защиту свѣтской власти папы (стр. 60—68), при выясненіи причинъ неустройства въ папскомъ государствѣ (стр. 128—131), при чемъ въ послѣднемъ случаѣ, при характеристикѣ папскаго государства, авторъ огра-

ничился почему-то лишь тѣми данными, которыя указываются враждебными папству писателями и не счелъ нужнымъ привести болѣе компетентныя свидѣтельства, какъ напр. коллективную ноту державъ въ маѣ 1831 года.

б) не всегда внимательное отношеніе къ первоисточникамъ, при чемъ авторъ очень часто заимствуетъ изъ нихъ менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и подѣ-часъ предпочитаетъ излагать сущность дѣла по руководству нѣмецкихъ пособій. Напрасно напр. онъ не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ такимъ высокой важности документамъ, какъ буллы: „Unan sanctam“ или „Aeterni patris“. Еслибы напр. онъ внимательно прочиталъ эту послѣднюю буллу, то не сталъ бы утверждать, какъ дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи, что въ буллѣ о созваніи Ватиканскаго собора „нѣтъ упоминанія о правительствахъ католическихъ странъ“, и что „католическая церковь устами своей главы объявляетъ государству о враждебности къ нему и нежеланіи имѣть какое-либо дѣло съ нимъ“ (стр. 290).

в) нѣкоторыя ошибки и недосмотры въ частностяхъ, какъ напр. на стр. 118, 125—126, 157.

г) недостатокъ ссылокъ на тѣ источники, откуда авторъ заимствуетъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, благодаря чему нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній представляются голосословными и иногда сомнительными (напр. стр. 14, 15, 53, 84, 90, 131, 148, 159).

Всѣ указанные недостатки не имѣютъ существеннаго значенія и не отнимаютъ у сочиненія его достоинства, благодаря которому признаю г. Орлова вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

28) Экстраординарнаго профессора Михаила Тарѣева о сочиненіи студента *Попова Христо* на тему: „Ученіе древне-христіанскихъ подвижниковъ о помыслахъ“:

„Сочиненіе Хр. Попова *Ученіе древне-христіанскихъ подвижниковъ о помыслахъ* состоитъ изъ введенія (стр. 1—12) и четырехъ главъ изслѣдованія. Въ первой главѣ (стр. 13—43) дается „опредѣленіе понятія помысла“ и изображается „развитіе грѣховныхъ помысловъ въ связи съ ученіемъ христіанскихъ подвижниковъ о душѣ человѣческой“. Подъ помысломъ вообще святыя подвижники разумѣютъ мысль о чемъ-либо, умственный образъ какого-либо предмета, безразлично—хорошаго или нехорошаго; злымъ помысломъ они

называютъ представленіе о чемъ либо нехорошемъ, безнравственномъ, преступномъ, а добрымъ помысломъ—представленіе о хорошемъ, нравственномъ. Въ послѣдующемъ авторъ имѣетъ дѣло съ ученіемъ аскетовъ только о злыхъ помыслахъ. Ученіе св. подвижниковъ о природѣ человѣческой авторомъ сводится къ положенію, что „человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души“ (стр. 19), а душа—изъ ума, сердца и воли. Въ развитіи грѣховнаго помысла указываются извѣстныя ступени: прираженіе, сдруженіе, страсть и пр. Во второй главѣ (стр. 44—70) рѣчь идетъ о степени грѣховности помысловъ. „Внутренніе грѣхи—злыя помышленія и похотѣнія—столь же грѣховны, какъ и внѣшнія беззаконія, и составляютъ корень и источникъ послѣднихъ“ (стр. 47). Впрочемъ не на всѣхъ ступеняхъ своего развитія помыслы одинаково грѣховны (стр. 53 сл.). Такъ первая ступень „прираженіе“ помысла не считается грѣхомъ, такъ какъ возникновеніе помысла не въ нашей власти. Однако, когда мы сами являемся причиною возникновенія помысловъ, они намъ вмѣняются въ грѣхъ. Вторая ступень „сдруженіе“ уже „не совсѣмъ безъ грѣха“. „Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе освободиться отъ помысловъ“ и тѣмъ болѣе помыслы вмѣняются. Въ третьей главѣ (стр. 70—191) авторъ говоритъ объ источникахъ и причинахъ грѣховныхъ помысловъ, таковы: демоны, страсти, органы внѣшнихъ чувствъ, бездѣліе и свободная воля человѣка. Затѣмъ четвертая глава (192—272) посвящена вопросу о средствахъ противъ грѣховныхъ помысловъ, которыя раздѣляются на общія, таковы: трезвеніе и безмолвіе (стр. 193) испытаніе помысловъ (стр. 201), пресѣченіе злыхъ помышленій въ зародышѣ (стр. 208), записываніе и исповѣданіе помысловъ (стр. 211), довѣріе руководителю старцевъ (стр. 213), молитва (стр. 225), душеполезное чтеніе (стр. 234), страхъ Божій (стр. 237), вѣра (стр. 245),—и частныя (стр. 246), таковы: воздержаніе и постъ, милостыня, кротость, радость духовная и смиреніе. Послѣднія средства называются частными потому, что каждое изъ нихъ направляется противъ какой нибудь опредѣленной страсти, такъ: постъ и воздержаніе противъ помысловъ чревоугодія и блуда, милостыня—противъ сребролюбія и пр. Заканчивается сочиненіе заключеніемъ (стр. 273—276).

Сочиненіе Хр. Попова не представляетъ самостоятельнаго

исслѣдованія вопроса, не даетъ новаго освѣщенія аскетической письменности, но какъ въ общемъ планѣ и въ частныхъ подраздѣленіяхъ, такъ и въ содержаніи—во всѣхъ предпосылкахъ, опредѣленіяхъ и выводахъ, включая введеніе и заключеніе, оно ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ пособиямъ, бывшимъ у автора подъ руками. Это—Л. Соколова Психологическій элементъ въ аскетическихъ твореніяхъ, А. Сергіевскаго О грѣховныхъ помыслахъ, П. Пономарева Догматическія основы христіанскаго аскетизма, Еп. Петра Указаніе пути ко спасенію, Еп. Теофана аскетическія и нравоучительныя творенія, Еп. Игнатія Брянчанинова сочиненія и др. Въ такомъ отношеніи къ пособиямъ, конечно, еще большой бѣды нѣтъ, но вина автора въ томъ, что онъ не только употребляетъ въ дѣло свои пособия, но и злоупотребляетъ ими,—онъ не только пользуется ихъ содержаніемъ, но и буквою ихъ—въ размѣрахъ самыхъ широкихъ. Строго говоря, въ его сочиненіи всѣ разсужденія излагаются словами пособій, за исключеніемъ немногихъ страницъ, рѣзко отмѣченныхъ своеобразностью авторскаго языка („Постоянное вниманіе на предметъ“; „отречь святость Бога“; „какимъ бы ни жестокимъ образомъ и относились къ своему тѣлу“; „принимая въ виду“; „былъ увлеченъ и завладѣнъ ими“; „разладъ пронизилъ все существо“ человѣка; „скорбять отъ уклоняющихся отъ него“; „избѣгали частыя обращенія съ ними“; „подниманіе бровъ“ и прочія женскія уловки „заслѣпляютъ мужчину“ и пр.). Но эта вина автора умалется силою слѣдующихъ соображеній. Во-первыхъ. Авторъ указалъ въ началѣ сочиненія тѣ пособия, которыми онъ пользуется, и потому, хотя при самыхъ заимствованіяхъ онъ, за исключеніемъ одного или двухъ случаевъ, не цитируетъ ихъ, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчаемъ у него злонамѣреннаго укрывательства и замечанія слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи можно только пожалѣть, что авторъ, поддавшись „помыслу тщеславія“, выразился во введеніи такъ: „На ряду съ русскимъ переводомъ аскетическихъ твореній мы пользовались текстами ихъ—греческимъ и латинскимъ“ и даже назвалъ среди пособій нѣсколько на греческомъ и французскомъ языкахъ. Упустивъ случай пресѣчь сей помыслъ въ зародышѣ, авторъ и въ самомъ исслѣдованіи нерѣдко вставляетъ въ текстъ греческія слова и цитуетъ греческія

и французскія пособія, хотя несокрушимымъ для его сочиненія правиломъ можно признать, что вездѣ, гдѣ онъ щеголяетъ греческимъ словомъ (латинскихъ вовсе не встрѣчается) или цитатой греческой и французской, онъ является въ рабской зависимости отъ своихъ дѣйствительныхъ и единственныхъ русскихъ друзей—Пономарева, Сергѣевского, Соколова и пр. Во-вторыхъ. Разсматриваемое сочиненіе изобилуетъ выдержками изъ аскетической письменности, и несомнѣнно, что авторъ здѣсь проявляетъ самодѣятельность. Не только тѣ цитаты, на которыя его наталкивали пособія, онъ приводитъ по аскетическимъ твореніямъ, или удлиняя цитату, или выписывая ее по другому переводу, но онъ даже значительно приумножаетъ число аскетическихъ цитатъ, приводя ихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ это сдѣлано въ его пособіяхъ, и иногда вставляя ихъ въ текстъ разсужденія, не подверженный цитатами въ пособіяхъ. Такимъ образомъ, хотя трудъ автора былъ чисто механическимъ, именно распредѣленіемъ аскетическаго матеріала по готовымъ рубрикамъ, все-же трудъ имъ примѣненъ къ дѣлу и трудъ, можетъ быть, довольно значительный. Въ-третьихъ. Буквальныя заимствованія изъ пособій въ сочиненіи Попова ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ не простираются непрерывно на нѣсколько страницъ,—обычно они кратки, иногда одна его страница составлена изъ трехъ, четырехъ, пяти мѣстъ одного или нѣсколькихъ пособій. Очевидно „причинами и источникомъ“ его „злыхъ помысловъ“ по отношенію къ чужой литературной собственности были, говоря языкомъ самаго изслѣдованія, не демонъ, не страсть къ похищенію словъ ближняго своего, не бездѣліе и не свободная его воля, а нужда. Какъ иностранецъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ, авторъ нуждался для выраженія своихъ мыслей не только въ словахъ, но и въ готовыхъ предложеніяхъ и періодахъ, которые онъ и собираетъ отовсюду съ необычайнымъ усердіемъ и находчивостью, доходящею до виртуозности мозаической работы.

Въ виду сказаннаго я нахожу возможнымъ оказать снисхожденіе Хр. Попову, оцѣнивъ его сочиненіе самымъ низкимъ изъ тѣхъ балловъ, которые даютъ право на степень кандидата богословія“.